

Екатерина Лесина
Браслет из города ацтеков
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659345
Лесина Е. Браслет из города ацтеков: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51032-0

Аннотация

Убийство Анны Переславиной потрясло город своей жестокостью: девушка стала жертвой неизвестного, совершившего чудовищный языческий обряд. Патологоанатом Адам Тынин полагал, что убийца повторил древний ритуал ацтеков – высокоразвитой цивилизации индейцев, разрушенной испанским завоевателем Кортесом. Среди украшений девушки был найден удивительный браслет с необычным декором – по широкой ленте вился цветной узор в виде птиц колибри. Похоже, это часть давно утраченных сокровищ, спрятанных индейцами, чтобы они не достались Кортесу... Коллеге Тынина, сыщице Дарье Беловой, предстоит сделать невозможное – найти и остановить безумца до того, как он выберет следующую жертву. Ведь кровавое солнце ацтеков требует жертв даже спустя столетия...

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	28
Часть 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Екатерина Лесина

Браслет из города ацтеков

Нас немного, но мы сильны своей решимостью, и если она нам не изменит, то не сомневайтесь: Всевышний, который никогда еще не оставлял испанцев в их борьбе с язычниками, защитит вас, даже если вы будете окружены толпами врагов, ибо ваше дело – правое и вы будете сражаться под знаком креста. Итак, смело вперед, не теряйте бодрости и веры. Доведите так счастливо начатое дело до достойного завершения.

Речь Эрнандо Кортеса, произнесенная им перед началом экспедиции в Южную Америку

Их корабли были огромны. Они разрезали волны, как нож разрезает мягкое тело, и паруса сияли белоснежными чайчыми крыльями. Позже, когда корабли подошли ближе, белизна парусов поблекла. А еще позже стало ясно, что никогда-то ее и не было: грязные они, выжженные солнцем, обглоданные ветром.

Этот обман стал первым из многих, и те, кому суждено было видеть, как гибнет великая империя, вспомнили про него.

– Вот, – сказали они, – явлено было знамение, но слепы оказались глаза жрецов, глухи их уши и мертвы сердца.

Все, кому доведется слышать сказанное, ответят:

– Воистину так.

А Куаутемок, глядя на разоренный Теночтитлан, осажденный чужаками и теми, в ком мы видели союзников, окаменел в отчаянии. И я, преданный слуга его, не мог найти слов утешения. Однако смог найти силы, дабы исполнить последнюю волю величайшего из людей.

И сказал я ему:

– Мой повелитель! Нет твоей вины в случившемся. Ибо встретили мы пришедших на земли мещиков с великими почестями, а жрецы и вовсе велели почитать их, как детей мудрейшего Кецалькоатля. И разве не исполнил Монтесума волю их?

– Исполнил, – ответил мне Куаутемок и руки прижал к сердцу, каковое – я слышал стук – жаждало свободы и покоя. Но разве мог он, лучший из людей, бросить слабых и растерянных детей своих? Разве мог уподобиться обессиленному Монтесуме?

В нем, в Куаутемоке, жила последняя надежда мещиков, но мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы позволить обманываться.

– Разве не был он ласков? Разве не осыпал иноземцев дарами? Разве не открыл пред ними все двери в славном Теночтитлане? И разве виновен ты, о мой повелитель, в том, что они предали Монтесуму? Змея поселилась в доме нашем, и яд ее ныне разносится по телу.

– Я знаю, друг мой, – Куаутемок взял мои руки в свои, и жест сей выдал мне волнение, прежде не свойственное этому человеку. – Я знаю, что бессильны мы. И что жрецы велят принять новый завет и новую волю. Однако во сне я вижу, как умирает солнце и мир исчезает во тьме.

Я видел тот же сон, и дух Ягуара, живущий в теле, дрожал перед этой тьмой, как будто зверь вдруг ослаб и уподобился человеку.

– Они не боги, вернувшиеся наказать нас. Они – люди. И люди жадные. Золото несчастного Монтесумы ослепило их, оно же и влечет в Теночтитлан, заставляя бросаться на стены с остервененьем бешеных псов. И потому решил я нарушить заветы жре-

цов. Мы не сумеем победить. Но мы сумеем отомстить. О помощи прошу тебя и тех немногих, кто еще остался мне верен. Скоро падет Теночтитлан, но до того дня...

Куаутемок излагал свою задумку, и с каждым его словом крепла во мне решимость. Видел я, что не зря повелителя мешиков называли мудрым.

И дослушав, сказал я:

– Да будет так.

И обнял он меня, как обнял позже каждого из воинов, что согласились пойти за мной в проклятый город Ушмаль. Мы знали, что не вернемся, как знал и Куаутемок, что не в его силах остановить бурю. Но разве могли мы смиренно ожидать участи своей?

Нет.

А потому случилось все так, как суждено было случиться. И о том расскажу я, Глауликоли из племени воинов-Ягуаров. Историю же запишет монах, чья судьба также predetermined.

Мне нравится, что в нем нет страха, а ему – что я нахожу время для бесед и не мешаю их записывать. Он надеется, что записи эти спасутся. А еще верит, что крест на шее защитит его от злых духов мертвого Ушмаля. Точно так же я верю, что мой спутник, моя незримая тень, чья шкура разрисована звездами, поможет исполнить поручение моего повелителя.

И да будет так.

Писано в год 1520 от Рождества Христова во время пути мною, смиренным братом Алонсо, со слов язычника, поименованного Глауликоли и полагающего себя зверем.

Часть 1 Затмение

Отломился носик стеклянной ампулы, и в воздухе поплыл едкий нашатырный запах. Веки девушки дрогнули, и человек, выбросив нашатырь в мусорный пакет, сказал:

– Ты не спишь.

Она зажмурилась.

– Открывай глаза. Не бойся.

С хрустом отошла широкая лента, заклеивавшая рот девушки. На липкой поверхности остался розовый отпечаток помады.

Присев рядом с пленницей, человек влажной салфеткой вытер ей губы.

– Тебе оказана великая честь, – мягко произнес он, убирая слезу. – Не следует противиться судьбе.

– Ты... ты отпустишь меня?

– Отпущу. Открой глаза. Видишь. Это ведь так просто. У тебя красивые глаза, тебе говорили? Конечно, говорили.

– Ты... ты хочешь меня изнасиловать? – теперь она смотрела на лицо похитителя и удивлялась. Он знаком. Но имя, которое уже готово было слететь с губ, к ним же прилипает.

Нельзя называть его по имени.

– Нет, – отвечает он. – Я помогу тебе, маленькая колибри.

В его руках появляется упаковка ватных тампонов и розовая бутылка с серебряными буквами на этикетке. Логотип знаком.

– Я купил для тебя, – сообщает он, прикасаясь влажной ватой к виску. Ей пришлось закрыть глаза. Она говорит себе, что этот человек – не убийца.

Происходящее – часть игры. Ему нравятся игры. И ей тоже.

Колибри. Птицы на тетради. И птицы на браслете... Возьми, будет амулет на удачу... Тебе ведь нравятся колибри? Ей нравились. Она слушала его и делала то, что он говорил. Она не знала, что он – безумец.

– Это хорошо, что ты не боишься.

– Ты обещал меня отпустить.

Вату и бутылку он тоже отправляет к мусору. Из сумки появляется жестяная банка. Человек окунает в нее ладони и поднимает их, позволяя свободно стекать синей краске. Он касается лица и проводит пальцами по щекам, оставляя пять параллельных полос.

– Не кричи, пожалуйста, – просит он, прижимая к губам измазанный краской палец. – Ты ведь храбрая. И красивая. Ты – птица на чужой ладони. Ты – белый нефрит. Ты – драгоценное перо птицы кецаль...

Она кивает.

Она закрывает глаза и задерживает дыхание, пытаясь отстраниться от липкого холодного прикосновения. Она заставляет замолчать воображение и убеждает себя, что нужно лишь потерпеть.

И когда ткань ее платья трещит в его руках, она молчит.

И когда синие струи ложатся на грудь и живот, она молчит.

И когда связанные ноги покрываются лентами узоров, она тоже молчит.

– Это цвет твоего мужа, – объясняет он, пристраивая в волосах белый флердоранж.

– Ты обещал отпустить меня.

– Я отпущу. К твоему жениху.

Увидев нож, она все-таки закричала. И голос утонул в гулкой пустоте старого ангара.

Дашка грызла миндаль. Она запускала руку в сумочку, громко шелестела, пытаюсь на ощупь обнаружить пакетик с орешками, а обнаружив, шелестела еще громче. Наконец шелест смолкал, сменяясь задумчивым вздохом, и очередной орех отправлялся в рот.

В левой руке Дашка держала папку с резюме и задумчиво разглядывала ее содержимое. Адам наблюдал.

– Эта не подойдет, – Дашка губами подцепила верхний лист и, вытащив из папки, бросила на пол. – И эта тоже. И вообще где ты их набрал-то?

– Воспользовался услугами агентства по найму персонала, – честно признался Адам, поднимая листы. Он разгладил загнутые края и отложил забракованные резюме в папку отработанных.

– Они придурки. Ну вот скажи, зачем присылать в похоронное бюро девицу с дипломом парикмахера? А тут вообще без опыта работы. О! Гениально. Литературовед. Будете о высоком беседовать. О Пастернаке там. О Мандельштаме.

И Дашка выронила всю папку, плюхнула сумочку на колени и, достав орешки, закинула в рот целую горсть. Жевала нарочно громко, демонстрируя раздражение.

– Мне нужен помощник, – заметил Адам. – Это факт. Отрицание фактов не приведет к их исчезновению. И я понимаю, что ты опасаясь повторения инцидента, однако теоретически подобное маловероятно.

– Угу.

– И, таким образом, возникает вопрос выбора. Поскольку все претендентки не имеют опыта в деятельности подобного рода, они находятся в равных условиях. Следовательно, мне предстоит выбрать ту, которая является наиболее перспективной в плане обучения.

– Угу.

– И если я способен оценить экстерьер, равно как и манеру держаться, то мнение о личностных качествах кандидаток хотел бы услышать твое.

– Услышишь, – пообещала Дашка, облизывая пальцы. – И спасибо.

– За что?

– За то, что позвал.

Спустя два часа благодарности у Дашки поубавилось. В горле пересохло, вопросы перепутались, ответы тем паче, а очередь в приемной, кажется, не уменьшилась.

Дамочки чинно выстроились вдоль стены, ревниво поглядывая друг на друга. Бледные лица, черные одеяния. Им бы еще по метле в руки для усугубления сходства с ведьмами.

– Понимаете, я никогда прежде... я никогда не думала, что буду работать в таком... в таком месте, – девица смотрела на Дашку с обожанием, а говорила, перемежая слова с театральными вздохами. Пальчики теребили черный кружевной платочек, а в уголке глаза кляксой сидела мушка...

Потом ее сменила девица с пирсингом в носу и густо обведенными карандашом очами. Эта говорила сквозь зубы, выплевывая слова и всячески выражая презрение и к Дашке, и к миру в целом. Затем появилась блеклая средних лет дамочка в растянутом шерстяном балахоне. И она ушла, уступив место сухопарой старушке с тюрбаном на голове...

– По-моему, вам следует прерваться, – произнес кто-то, и Дашка очнулась. Перед ней на пластиковом гостевом стуле сидела женщина. Средних лет. Внешность приятная, но не запоминающаяся. Голос красивый, грудной. Одета скромно и аккуратно. Серая блузка с камеей у горла. Английская юбка и жилет на крохотных пуговицах.

Дашке жилет понравился.

– Вы выглядите усталой, – повторила женщина, глядя с искренним сочувствием. – Прервитесь.

– Как вас зовут?

– Анна.

Ну да, написано ведь. Имя. Фамилия. Профессия. Учительница младших классов? Но Дашка давно перестала удивляться.

– Почему вы решили сменить профессию? – Дашка закрыла папку.

– Муж переехал. Я с ним. А здесь оказалось, что в учителях нет надобности. Приходится искать альтернативу.

– Значит, вы замужем.

– Пять лет. Детей нет. И не будет, – чуть жестче сказала Анна, касаясь пальцами виска. – Состояние здоровья – отменное. Не брезглива. Легкообучаема. Готова рассмотреть любые варианты расписания и...

– Вам нужна эта работа?

Выражение ее лица не изменилось, но она кивнула.

– Хорошо. Тогда идемте.

Она не стала спрашивать, куда, и это тоже понравилось Дашке. Двигалась Анна мягко, с природной грацией. И Дашка вновь почувствовала себя неуклюжей.

– Если вы будете работать здесь, вам придется сталкиваться с разными ситуациями, – Дашка толкнула дверь в коридор и, указав на висающие маски, пояснила: – Это реальные люди.

– Да. Я поняла.

– И вас это не пугает?

Анна пожала плечами и после секундной паузы пояснила:

– Для многих культур посмертные изображения являются неотъемлемой частью, памятью об ушедших людях.

Очень мило. Даже чересчур.

И любопытно.

В морге Анна спокойно надела халат, шапочку и бахилы. Вдохнув специфический запах, который у Дашки вызывал приступы тошноты, она заметила:

– Здесь несколько непривычно.

– Привыкнете, – пообещала Дашка, надеясь, что так оно и будет. Она толкнула дверь и, пропуская Анну, сказала: – Добро пожаловать в царство мертвых. Знакомьтесь, это Аид.

– Адам, – представился Адам. – Аидом Дарья меня назвала ввиду давних и прочных ассоциаций.

– Я поняла.

Оба стола были заняты. На одном возвышался полотняный горб, к счастью, имевший весьма отдаленное сходство с телом. Зато труп на втором предстал во всей ужасающей красе.

Дашка поспешно отвела взгляд.

– Полагаю, – заметил Адам, накрывая тело простыней, – нам лучше будет вернуться в кабинет. Обстановка там более располагает к беседе.

– Я не боюсь, – поспешно ответила Анна. – Я не собираюсь визжать или падать в обморок. Я понимаю, что при работе мне придется сталкиваться и с... подобными моментами.

Все-таки она Дашке нравилась.

Оставалось всего ничего – чтобы Анна понравилась Адаму.

– В таком случае, – сказал он, глядя Дашке в глаза, – вы приняты.

– На испытательный срок, – уточнила она.

Тело нашла Лиска. Она приперлась в ангар поутру, потому как хотела поплакать и подумать. Больше, конечно, поплакать, но в пустоте и думалось неплохо. В основном о том, что

от папика линять надо и скотина он. А сердце Лиске приказывало раз за разом возвращаться в дом и, нацепив улыбочку, выплясывать вокруг сволочи.

Когда же неумоги становилось, Лиска сбегала. Побег она готовила тщательно, загодя выматывая папика сексом и готовя снотворное, которое и скармливала после случки. Аккурат получалось часа в четыре утра. Горечь лекарства маскировалась грейпфрутовым соком, и папик отрубался.

Снотворное было хорошим и гарантировало Лиске пять часов свободы. Вообще гарантировало оно больше, но Лиска опасалась рисковать.

Сегодня она, дождавшись, пока папик захрапит, на цыпочках вышла из дому, надела кроссовки и потрусилась по дорожке. Она заставляла себя бежать медленно и улыбку на физию держать. Пускай на улице темно и холодно, но это еще не повод демаскироваться.

Случай – дело опасное.

Выбравшись за ворота поселка, Лиска припустила галопом, жадно вдыхая ледяной воздух. Разгоревшийся февраль отвешивал ледяные пощечины и примораживал ресницы, земля колослась сквозь подошвы, и Лиска даже пожалела о затее.

До весны дотянуть надо было.

Не дотянула бы. С каждым днем крепло желание взять с каминной полочки медного носорога да приложить папика по макушке.

Достал.

Ангар привычно вынырнул из темноты, блеснув в лунном свете стальным боком. Пара старых лип приветственно покачали ветвями и проскрипели:

– Здравствуй, Лиска.

И Лиска помахала им рукой. Отпускало. Уходила злость, растворялась обида, и даже желание умереть замерзло на февральском ветру. Когда совсем-совсем замерзнет, Лиска его разобьет. Мысленно, конечно.

Приоткрытая дверь не насторожила. В ангар иногда заглядывали. Эти визиты оборачивались кучами дерьма и пустыми бутылками, использованными презервативами да шприцами. Последнее Лиску пугало. И на следующий побег она решалась, лишь когда чувство тоски и безысходность одолевали страх.

Внутрь она заглядывала осторожно, чутко прислушиваясь к каждому звуку, но в ангаре было пусто. Ни голосов. Ни музыки. Ни даже дыхания, которое есть всегда.

Из-за папика Лиска наловчилась слушать чужое дыхание.

Ничего.

Она остановилась в полумраке, выдохнула клубок пара и, хлопнув себя по бокам, решила: сегодня посидит недолго. Не хватало еще простуду подхватить.

Папик до жути не любит, когда Лиска заболевает.

И чтобы не стоять на месте, Лиска пошла вдоль стены. Сквозь прорези в крыше падал лунный свет, и земля выглядела пятнистой, как леопардовая шкура. И потому пятно, темное среди светлых, не сразу бросилось в глаза. А когда бросилось, Лиска почему-то сразу поняла, что с этим пятном не все ладно.

Но конечно, она не думала, что настолько не ладно!

Из ангара она выбежала и, сложившись пополам, долго дышала ртом. Ее не вывернуло лишь потому, что в желудке было пусто, а успокоительное, которое Лиска исправно глотала уже полгода, наконец-то подействовало. Наверное, именно его действием и можно было объяснить ту глупость, которую Лиска совершила.

Достав из кармана куртки телефон, она набрала номер, бережно хранимый в памяти, и, дождавшись ответа, пролепетала:

– Вася, а здесь убийство. Записывай адрес.

Продиктовав, Лиска добавила:

– Не ищи меня. Пожалуйста!

Знала уже – бесполезно просить, но продолжала цепляться за надежду. И, добравшись до поселка, долго стояла у ворот, разглядывая аккуратные коттеджи, которые некогда казались ей верхом совершенства. Слезы текли по онемевшему Лискиному лицу, грозя попортить макияж.

Но Лиске было все равно.

За беспорядок, воцарившийся в приемной, Дашке было стыдно. Вот сейчас Анна увидит фронт работ, передумает и откланяется, а Дашке придется вернуться и продолжить собеседование.

– Женщина, которая была до вас, ушла пару месяцев тому. И вот... – Дашка развела руками. – Я думала, что сама справлюсь, но как-то оно не мое.

– Вам здесь не нравится? – Анна, присев, подняла карандаш.

– Точно.

– Есть что-то еще, о чем мне нужно знать?

Она смотрела и на Дашку, и на Адама, который привычно держался в тени. И вот надо же было ему рот раскрыть:

– По решению суда я не являюсь дееспособной личностью. Дарья – мой опекун и, следовательно, владелец данного предприятия.

Вот как он умудряется говорить такое светским тоном?

– Он не сумасшедший, – поспешно сказала Дашка. – Просто... неприятная ситуация в прошлом с непредсказуемыми последствиями.

Адам кивнул.

– И... насколько серьезная ситуация?

Вот точно уйдет. Мало того, что местечко стремноватое, так еще и непосредственный начальник – псих. Следовало предупредить, гражданин работодатель. Глядишь, и собеседование прошло бы быстрее.

– Синдром Аспергера, – выдохнула Дашка, глядя в глаза Анне. И загадала – если та моргнет, значит, не судьба. Анна смотрела прямо, ждала разъяснений, а не дождавшись, мягко пояснила:

– Мне не доводилось... сталкиваться прежде.

– Я не склонен к проявлению агрессии, – заговорил Адам, щелкая суставами пальцев. – Мой интеллектуальный уровень значительно превышает среднестатистический, но вместе с тем эмоциональное развитие отстает от нормы, что вызывает некоторые сложности при личностных контактах.

Анна рассеянно кивнула.

– Я негативно отношусь ко вторжению в мое личное пространство. Я не выношу прикосновений, если человек, который меня касается, не относится к категории близких...

«Спасибо, Адам, за доверие», – подумала Дашка.

– И я не способен адекватно интерпретировать намеки.

Анна молчала. Она перевела взгляд с Адама на Дашку и снова на Адама, будто пытаясь сообразить, сколько правды было в сказанном. И Дашка поспешно пришла на помощь.

– Еще он не способен лгать.

– Тогда хорошо. Но могу я все-таки узнать, что конкретно будет входить в мои обязанности?

Да запросто!

Выбравшись за ворота комплекса, Анна достала телефон. Она очень боялась, что зарядки не хватит – в последнее время батарея садилась за пару часов, но ей повезло.

Набрав номер, она прижала трубку к уху. Когда же ответили, сказала:

– Привет. Я скоро буду. Через полчаса где-то. И у меня хорошие новости... – Анна оглянулась на забор, за которым начиналось снежное поле с черными кольями фонарей. – Я работу нашла.

– Хорошо, – сухо ответил Геннадий.

Дорога домой заняла куда больше, чем полчаса. Автобус пришел с опозданием. В промерзшем салоне на окнах лежал иней, и Анна очень боялась пропустить свою остановку и потому на каждой выпрыгивала и тут же запрыгивала обратно. Пассажиры косились на нее, видимо, считая странной. Кое-кто открыто улыбался, а парочка старух в одинаковых красных платках качали головами, синхронно и с выражением одинакового неодобрения.

Но это ничего. Главное, Анна работу нашла.

Странные они, конечно. И Дарья Федоровна в лимонно-желтом свитере и узких лазоревых штанишках, совершенно ужасных по крою и цвету. И Адам, строгий и отстраненный, пугающий даже. Будь у Анны выбор, она ни за что не согласилась бы работать в таком месте.

Выбора не было.

Автобус замер в очередной раз, и, судорожно дернувшись, дверцы распахнулись. Анна выскочила, огляделась, замечая знакомую трубу старого фонаря – естественно, он не работал, и ларек-коробку. У ларька остановилась, разглядывая содержимое витрины.

Геннадий ни о чем не просил, но Анна все же сунула мятые купюры в окошко, сказав:

– Пачку «Мальборо», пожалуйста.

К дому шла, отсчитывая шаги. На десятом – ямина в асфальте и раскрошенные камни вокруг. На двадцать втором – густая тень от соседнего дома, и кажется, что, нырнув в черноту, ты в ней раз и навсегда растворишься.

Хриплый стон гитарных струн и голоса. Звон бутылок. Свист, на который лучше не обращать внимания. Железная дверь подъезда и лампочка, для разнообразия работающая. Лифт скрежетал, вытягивая старую кабину на девятый этаж. И, достигнув крыши, он долго стоял, гадая – застревать ему или все же выпустить жертву. Анне сегодня везло.

Почти везло.

Ключ провернулся в замке, и квартира встретила чужими запахами.

– Это я, – сказала Анна с порога, и голос прозвучал робко. – Я вернулась.

Геннадий не ответил. Дверь в его комнату была заперта, но свет из-под нее пробивался. Желтая полоска на желтом линолеуме.

– А я сигарет принесла. И представляешь, меня взяли! На испытательный срок, но взяли же!

Анна проглотила горький запах чужих духов, повесила пальто на вешалку, стянула сапоги и босыми ногами наступила на лужицу талого снега.

Значит, она приходила не так давно. И оставалась недолго. Опять разговаривали, и Геннадий, наверное, злится, что из-за Анны эти разговоры не совсем такие, какими должны быть.

– Гена... – Анна постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, приоткрыла. – Гена, я очень постараюсь там задержаться. Хорошее место. И начальник тоже... хороший.

Геннадий сидел, уставившись в монитор. По экрану прыгали монстры и, встречаясь с пулей, разлетались в клочья. Выключенные колонки запирали предсмертные вопли и звуки выстрелов, а кровь задерживалась на стеклянной пленке монитора.

Там – ненастоящая жизнь.

– Послушай, – Анна решила коснуться плеча. – Если я останусь, то...

– Я подал документы, – огрызнулся Геннадий, подставляясь под чьи-то клыки. Анимированный герой умер быстро. Игра закончилась.

Жизнь тоже.

– Но мы же договаривались...

– Мы договаривались, что я дам тебе время. Я дал. И давал раз за разом. Но это не может продолжаться вечно! Анька, ты сама понимаешь.

Она не понимала. Она поехала за ним по первому слову, и не было в ее поступке никакого подвига, но просто желание быть рядом. Оказалось же, что желание это – вредное. И что у Геннадия совсем другие планы на жизнь, Анне же надлежит смириться и принять свою участь.

– Я не дам развода, – она постаралась перенять его тон.

– Твое согласие не требуется.

Значит, та, другая, которая приходит в дом Анны и оставляет после себя запах духов и лужи на линолеуме, нашла сговорчивого судью.

– Ген, а как же я? Что мне делать?! – против воли Анна сорвалась на крик.

– Возвращайся домой.

И пополни когорту брошенных жен. Научись курить и врать, будто ушла сама. Придумай сказку о любви, чтоб не хуже, чем у других. Примерь трагический финал и, бутылка за бутылкой, сближайся с ним, пока и вправду не поверишь, что все было именно так.

– Нет, – сказала Анна.

– Лиля нашла квартиру. Завтра мы переезжаем. Эта оплачена до конца недели.

У него жестокое лицо. Незнакомое. Эти жесткие складки вокруг рта. Рельефные морщины на лбу. Сухие щеки и плоский подбородок, будто вычерченный с помощью линейки. Массивная шея, растающая в камень плеч.

Геннадий упрям.

– Геночка, пожалуйста, мне нужна эта работа...

– А мне нужна Лиля.

На кухне Анна курила. Она забралась на широкий подоконник, приоткрыла форточку и смотрела, как дым выходит в щель. Иногда с другой стороны залетали снежинки, садились на руки и таяли, и Анна удивлялась тому, что ей не холодно.

Чувства замерзли.

Табак утратил вкус, а жизнь – смысл. Но по инерции Анна продолжала дышать. Из-за тонкой стены раздавался голос мужа, мягкий, воркующий. И Анна против воли вслушивалась в это воркование, пытаясь вычленить отдельные слова. Краем глаза она уловила собственное отражение в затянутом сетью мороза стекле и подмигнула ему.

Впереди расстилалась бесконечность на двоих – на Анну и ее отражение. Разделительной полосой пролегало стекло и белые цилиндры сигарет. Линию же горизонта стерла ночь.

Но завтра наступит утро.

Или не завтра, но когда-нибудь. Тьма не может длиться вечно.

Дома было пусто. Дашка поняла это еще до того, как открыла дверь, и огорчилась. Ей больше не нравилась пустота.

– Эй, – на всякий случай крикнула Дашка из коридора. – Ты тут?

Пахло борщом и котлетами. В животе тотчас заурчало, и Дашка, сглотнув слюну, повторила вопрос:

– Если здесь, то отзовись!

И удивилась, услышав:

– Здесь. Дело есть.

– Я не хочу дело есть, – Дашка торопливо стянула сапоги и пошевелила заочеченными пальцами. – Я хочу есть борщ. И котлеты. И в принципе хочу есть.

Нехорошее чувство появилось вместе с голодом. Почему Вась-Вася дома, когда Дашкино чутье утверждает, что его дома нету? И почему он на шутку не отозвался? И почему в темноте сидит?

– Руки мой, – велел он, щелкнув выключателем, и сам зажмурился от резкого света.

Дашка же отправилась в ванную комнату, открыла краны и, сунув руки под струю теплой воды, уставилась в зеркало. Зеркало подтвердило опасения: Вась-Вася собирается сказать что-то очень неприятное. Дашка догадывалась, что именно, поскольку это рано или поздно говорили все.

И вообще чего ждать от романа сроком в месяц? Это даже не роман, так, рассказик на двоих, одному из которых надоело рассказывать. А Дашке не впервой слушать, улыбаться и «оставаться друзьями».

Дашка умеет дружить.

– Ты скоро? – Вась-Вася заглянул в ванную и, дернув с крючка полотенце, подал Дашке. – И отчего вид похоронный? Адам зачудил?

– Нет. Собеседование было.

– И кого беседовали?

Улыбается, но как-то вымученно. Надо ужинать. На полный желудок и расставаться легче.

Стол был накрыт. Желтые глазированные тарелки и алый, как знамя партии, борщ. Белые айсберги сметаны и зеленые нити укропа. Хлеб и тончайшие ломтики сала, которое Вась-Вася солит собственноручно и утверждает, что процесс этот – искусство, сродни приготовлению вина.

– Даш, тут дело такое... – Вась-Вася уставился в тарелку. – Тебе это вряд ли понравится, но... мне нужна твоя помощь. Очень нужна.

– В чем? – Дашкин голос таки дрогнул.

– Девушку убили и... черт, я многое видел, но от такого наизнанку вывернуло, – он встал из-за стола и отвернулся. – Ее сначала в синей краске искупали, а потом содрали кожу. С живой.

– Тебе Тынин нужен?

– Они не нашли следов. Говорят, чисто все. И зацепок никаких. Вообще ничего. А твой Тынин...

– Не мой.

– Не твой, – согласился Вась-Вася. – Но он с мертвецами ладит. И если кто сумеет достучаться до нее, то он.

Дашка поднялась, подошла и, обняв Вась-Васю, положила голову на плечо.

– Ты и вправду в это веришь?

– После того, что я сегодня видел, Дашунь, я во что угодно поверить готов. А самое страшное – чую, будут еще эпизоды. А я не хочу еще раз выезжать на такой вызов! У меня тоже нервы есть.

– Есть, – согласилась Дашка, проводя пальцами по бритому затылку. – И еще мозги. Ты ведь понимаешь, что привлекать Тынина – незаконно.

– В официальном порядке.

– Родители?

Вась-Вася кивнул и сказал:

– Дашунь, я понимаю, почему ты не хочешь втягивать Тынина... Там папка. Посмотри фотографии, пожалуйста. Ты сама все поймешь.

Она открыла папку и замерла, пытаясь понять, что видит перед собой. Синий силуэт. Красный силуэт. И оба – не могут быть человеком. Правильно, потому что оба – части человека, запечатленные в пикселях цифровой памяти. Снимали хорошо, дотошно. Видны и

потеки застывшей краски, и бурые пятна свернувшейся крови, и рыжая ржавчина на крышке мусорного бака, попавшего в кадр.

– Тело отдадут родителям. И...

– И даже если я буду против, ты все равно отправишь их к Тынину. Верно? – Дашка сложила снимки в файл, а файл упрятала в папку.

Сердце стучало. Вась-Вася не собирается уходить и переводиться в разряд «друзей». Вась-Васе нужен Адам, и Дашка не знает, какой из двух вариантов ей более отвратителен.

Наверное, тот, в котором на свободе остался психопат, сотворивший подобное с девушкой.

– Снимки тоже отдай, – посоветовала она и предложила: – А хочешь, я сама отвезу? Завтра с утра? Можем и сейчас, он поздно ложится. Псих ненормальный.

– Завтра, – сказал Вась-Вася, отбирая папку. – Я еще кое-что уточнить хочу.

Дашка кивнула. Почему-то у нее снова появилось странноватое ощущение, как будто Вась-Васи в квартире нет. Он стоял перед ней в своей любимой футболке с выцветшей эмблемой и растянутой горловиной. Он смотрел на Дашку, но как будто сквозь нее, и не понять было, что творится в этой стриженной голове.

Подобное пугало.

Лиска пряталась в комнате. Она оставила дверь приоткрытой и, присев на пуфик, замерла со щеткой в руке. Если папик войдет, Лиска сделает вид, будто расчесывает волосы.

Папик не вошел. Он заорал во всю глотку:

– Лиза!

И Лиска встрепенулась, выронила щетку, но поднимать не стала. Она бросилась на крик бегом. Папик сидел в гостиной. Он развалился в кресле, раздвинув колени, и полы халата разъехались, выставив белое рыхлое брюхо.

– Где тебя носит? – рявкнул он, разглядывая Лиску.

– Причесывалась, – выдала она заготовленную ложь.

– Дура.

Она кивнула. Спорить с папиком бесполезно.

– Коктейльчика забацай, – папик поскреб живот. – Быстренько, быстренько...

На кухню, слава богу, не поперся, предоставив Лиске несколько секунд свободы. Она вытащила фрукты, придирчиво отобрала пару персиков, белый грейпфрут, вишню и киви и отправила в соковыжималку. Достав из буфета бутылку виски, отмерила на два пальца.

Дополнила композицию двумя листиками мяты и кубиками льда.

Принесла. Подала.

Замерла.

– Молодец, – похвалил папик, пробуя. – Хоть на что-то ты способна.

И тут в дверь позвонили. Лиска ждала этого звонка со вчерашнего дня, с того самого момента, когда она поняла, какую непростительную ошибку совершила.

Нельзя было звонить Вась-Васе! Пусть бы кто-то другой разобрался с тем, что произошло в пустом ангаре. И какая разница, что другие заглядывают редко, особенно зимой...

Звонок надрывался. Папик мрачнел.

– Чего встала? Открывай иди. Или ты думаешь, что я тут бегать должен?

Лиска кивнула и бегом кинулась к двери. Ухало сердце. Только бы кто-нибудь другой... только бы...

Она не стала смотреть в глазок, равно как и спрашивать, кто за дверью, просто открыла и замерла. Невидящий взгляд выхватил такое знакомое и такое чужое лицо.

– Привет, Лиза, – сказал Вась-Вася. – А я к тебе. Пригласишь в гости?

Она отчаянно замотала головой, но Вась-Вася никогда не слушался. Отодвинув Лиску, он вошел в прихожую и громко, нагло поинтересовался:

– Есть кто еще дома? Полиция!

Лиска закрыла глаза. Катастрофа приближалась.

Она пошла за Вась-Васей, стараясь держаться в его тени, потому что тень была безопасна. А в гостиной Лиска нырнула в угол, отгороженный чайным столиком. Она села на козетку, сложила руки на коленях и представила, будто ее, Лиски, нет в доме.

Она в другом месте.

На берегу моря. Волны накатывают на белый песок. Темные камни, облизанные водой, сияют на солнце. Колышутся листья пальм. Играет ветер полыми трубками, которые местные жители развешивают, чтобы отгонять злых духов.

Папика трубки раздражали.

– И чего надо? – поинтересовался папик, отставляя стакан с коктейлем.

– Поговорить, – ответил Вась-Вася. Интересно, что он видит? Вальяжность? Солидность? Или девяносто восемь килограмм рыхлого мяса в оболочке дряблой кожи. – Представьтесь.

– Михаил Евгеньевич Савростин, – папик глядел на Вась-Васю сверху вниз. Он умел взглядом демонстрировать собственное превосходство и чужое ничтожество. – А вы чьих будете?

– Ничьих. Это ваша жена?

– Это моя подружка.

Лиска вжалась в угол.

Нету ее здесь. И вообще нету.

– Замечательно. Здесь недалеко убийство случилось. Убийство... ничего не слышали?

Папик хмыкнул.

– Не слышал. Не видел. И ничего не знаю.

– А вы?

От взгляда Вась-Васи Лиска оцепенела. Так, наверное, змеи гипнотизируют несчастных кроликов. Плохо-плохо-плохо...

– И она ничего не видела, не слышала и не знает, – ответил за Лиску папик. Осталось лишь кивнуть, подтверждая. И бросить умоляющий взгляд на Вась-Васю: не выдавай.

Только когда змеи кроликов щадили?

– А вот здесь вы ошибаетесь, – произнес Вась-Вася, усаживаясь в кресло. – Именно Елизавета Васильевна Гальдина сообщила о преступлении. В пять часов тридцать две минуты вчерашнего дня. Или правильнее сказать утра?

Катастрофа случилась. Не дрогнули стены, не обвалилась крыша, не разверзлась земля, поглотив Лиску, – все было хуже.

– Ты ошибся, мальчик, – папик говорил тихо-тихо.

– Нет.

– Лиза...

Лиска съежилась.

– Значит, правда. И где это ты, спрашивается, гуляла вчера в пять часов тридцать две минуты? – папик поднялся. – Где гуляла, тварь неблагодарная?

– Я попросил бы вас.

– Заткнись.

Папик наступал, наступал и, добравшись до столика, отшвырнул его, как будто этот столик ничегошеньки не весил. Зазвенело стекло, хрустнуло дерево, а потная папикова рука вцепилась в Лискины волосы.

– Хвостом крутить вздумала?

– Н-нет.

Оправдываться бесполезно, но молчать нельзя. Папик еще сильнее разозлится. И Лиска, решившись, открыла глаза. Какое же у него страшное лицо. Лоснящееся, красное, как переспевший помидор.

– А я-то думаю, чего это мне с утра нехорошо... накачала?

– Эй, ты...

Вась-Вася, разрушивший Лискину жизнь, стоял не шевелясь. Пусть уходит. Если он уберется сейчас, у Лиски есть шанс все вернуть. Она соберет осколки и склеит их ложью, как делала не раз и не два.

– Накачала, – с удовлетворением заметил папик и второй рукой сдавил Лискины щеки. Пальцы у него были железные и пахли фруктами. – Ах ты дрянь такая...

Он потянул Лиску, заставляя встать, а потом толкнул, совсем как столик, и Лиска упала. Больно не было, она умела падать и, перекатившись, сворачиваться клубком. И дыхание задерживать. И притворяться, что море совсем рядом.

Шепчут волны. Гулко перестукиваются полые трубки.

– Слушай, ты... – тень Вась-Васи накрыла Лиску, заслоня от папика.

– Это ты послушай, щенок ментовский. Спасибо, конечно, за наводку, но теперь свободен. Давай, топай, если не хочешь с работы слететь.

– Да не вопрос. Но она пойдет со мной.

Рокот волн нарастает, стирая иные звуки.

– Не лезь в чужую жизнь, мальчик, – с неожиданным благодушием заметил папик. – Один фиг только хуже сделаешь.

– Лиза, вставай.

– Вставай, Лиза. Проводи гостя. А то о нас плохо подумают.

Она не может уйти. Не сегодня. Не сейчас. У нее планы. У нее жизнь, которая Вась-Васе непонятна. А у него – глаза удава, перед которым Лиска – кролик.

– Собирайся.

– Почему бы и нет? – Папик вернулся в кресло, взял стакан и, пригубив, сказал: – Собирайся и выматывайся. Давно пора было выставить. Надоела. Эй, только будешь собираться, кредитки оставить не забудь. И бирюльки тоже. Ты ж не надеялась, деточка, что это тебе навсегда?

У Лиски хватило сил подняться к себе, достать чемодан – кожа буйвола, ручная работа – и собрать вещи. Их оказалось немного. Сняв кольца и серьги, Лиска бросила их в шкатулку. Посмотрела на себя в зеркало и попыталась улыбнуться.

Катастрофа? Ничего, после катастроф люди выживают.

Вась-Вася отобрал чемодан, кивнул папику и, взяв Лиску за руку, велел:

– Пойдем.

Она пошла. Лиска переставляла ноги, которые вдруг перестали сгибаться в коленях, и мурлыкала про себя мелодию волн. Сухой стук полых трубок становился громче.

А машина у Вась-Васи древняя. И в салоне воняет. А еще холодно очень, но холод – не проблема. Лиска потерпит.

– Ну и что мне с тобой теперь делать? – спросил Вась-Вася, как будто это Лиска была виновата в том, что он ее нашел. Она пожала плечами и сказала:

– Не знаю. Домой отвези. Наверное.

За неполные сутки в конторе все переменялось. В воздухе витал тонкий аромат свежесваренного кофе и сдержанный – хорошей туалетной воды. Непостижимым образом исчезли пыль и пятна на ковре, а белые лилии в главном зале уступили место белым же орхидеям.

Анна лично руководила двумя девчушками из цветочного. Сегодня на ней было строгого кроя платье и короткий пиджак темно-лилового цвета. Туфли на низком каблучке не лишали Анну изящества, а гладко зачесанные волосы делали ее почти красивой.

– Добрый день, – сказала Анна, обнимая ладонями орхидею. – Мне показалось, что фаленопсисы будут смотреться лучше. Лилии – чересчур тяжелы.

– Когда вы только успели?

– Я пришла пораньше. Если вы не против.

Дашке показалось, что голос Анны дрогнул. Нет, конечно, показалось. Анна столь же безмятежна и совершенна, как эти чертовы фаленопсисы, поселившиеся в чеканных вазах.

Одна радость – хотя бы не воняют.

– Адам у себя?

– Да. Он... работает.

И снова этот странный тон и голос. Все-таки надо будет ее проверить. И пусть Вась-Вася не брыкается: услуга за услугу.

Анна вновь занялась цветами. Она вынимала из корзины темно-лиловые ирисы на сочных стеблях, ловко подрезала и встраивала в белоснежную мозаику. Девчушки следили за каждым движением, и в их глазах Дашке виделась зависть.

Дурдом.

Главврач вкушал бутерброды. Он восседал за прибранным столом. По правую руку его стояла кружка, по левую – фарфоровое блюдо необъятных размеров. И уже на нем чья-то умелая рука выложила съедобную мозаику. Дашка стянула один элемент – тонюсенький кусок белого хлеба, маслице узорной намазки и ломтик ветчины с веточкой петрушки.

– Анна?

– Да, – ответил Адам. – Ее инициатива показалась мне весьма своевременной. Еще хочу заметить, что есть стоя – признак дурного тона.

– Анну уже люблю, а ты зануда, – сказала Дашка, облизывая пальцы. – Чаем не напоишь?

– Твой незапланированный визит внушает мне некоторые опасения, – Адам протянул свою кружку. Надо же, какая безумная щедрость, просто-таки пугающая.

Но кружку Дашка взяла, чай выпила и, заняв свое обычное место, протянула папку.

– На. Вась-Вася просил. Я согласилась. Только там... неприятно.

Хотя кому она это говорит? Адам принял бережно и раскрывать не спешил. Он провел ладонями по коже, тронул молнию и тихо заметил:

– Мне кажется, что подобная услужливость не является нормой. Верно?

– Да.

– И данный факт не мог не возбудить в тебе подозрений. Ты будешь проверять Анну.

– Опять да. Не бойся, я...

– Я не боюсь, – оборвал Адам. – Я хочу обратиться к тебе с просьбой.

Что-то новенькое. И Дашке это новенькое определенно не нравилось.

– Мне комфортно находиться рядом с этой женщиной. И я не желаю, чтобы она ушла.

– Адам, ты ее знаешь меньше суток!

– Да. Но у меня имеется стойкое ощущение, что Анна – хороший человек.

Час от часу не легче. Прежде он не использовал подобных выражений. А уж признать кого-то в столь короткий срок... пусть просит, чего ему вздумается, но Дашка обязана проверить эту дамочку. И проверит.

– Конечно, – ответила Дашка, старательно улыбаясь. – Она – само совершенство.

– Совершенство недостижимо, – заметил Адам, наконец открыв папку. Фотографии он разглядывал с пристальным интересом. Отодвинув тарелку и кружку, он принялся раскладывать на столе пасьянс из снимков, располагая их в одном ему понятном порядке.

Дашка не мешала. Она прибрала оставшиеся бутерброды – было бы непозволительно дать пропасть подобной красоте – и долила кипятка в кружку. Чай вышел бледный, почти безвкусный, но зато горячий.

– С нее содрали кожу, – произнес Адам, не отрывая взгляда от фотографий.

– Это без тебя поняли. Что еще?

– Ритуал.

– Уверен?

Если так, то опасения Вась-Васи подтвердились. Где ритуал, там и психопат. А психопата ловить – хуже не придумаешь.

– Может, ее просто кто-то ну очень сильно невзлюбил, – Дашка еще надеялась на меньшее зло, но Адам раздавил надежды.

– Снять с человека кожу не так просто. Я не могу сказать с полной уверенностью, но работа была сделана аккуратно. Посмотри...

Смотреть Дашке хотелось меньше всего, но она поднялась, подошла и склонилась над снимком, на который указывал Адам.

Мясо. Красная краска. Синяя краска.

– Аккуратные разрезы, визуально равной ширины. И если посмотреть здесь, видно, что длина их также совпадает. Лоскуты кожи имели вид прямоугольников. Повернись.

Дашка повернулась, и карандаш в руке Адама коснулся ее спины.

– Он начал от позвоночника влево. От позвоночника вправо. Затем четыре параллельных надреза...

– Я не хочу, чтобы ты на мне показывал эту мерзость!

– Это суеверие, – Адам взял один из снимков. – Итак, он снял две ленты со спины. Еще две – с боков. Затем...

Дашка отмахнулась от карандаша и буркнула:

– Я поняла. Товарищ действовал по плану.

– Именно. Следовательно, все прочие элементы являлись частью данного плана. Синяя краска. Цветы в волосах. Если не ошибаюсь, это флердоранж. Его используют...

– Знаю, невесты.

Все поганей и поганей. Адам кивнул и добавил:

– С точки зрения общественных стереотипов, невеста – символ чистоты, девственности и жертвенности. Логично предположить, что именно на это указывал убийца, украшая жертву. Опять же, обрати внимание на позу.

Дашка обратила, стараясь не думать о куске мяса, как о человеке. Просто... просто комок. Ноги прижаты к груди, руки обнимают колени.

– Она сидит на корточках, – Адам погладил фотографию.

– И что это значит?

– Пока не знаю, но непременно выясню. Мне нужно тело. И кожа. И список всего, обнаруженного на месте преступления.

Он аккуратно сложил фотографии, выровнял стопку и, спрятав в файл, произнес:

– Дарья, мне понятны твои опасения. И мне, несомненно, хотелось бы их развеять, однако да, я думаю, что убийца еще проявит себя. Поэтому я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

– А...

– Моих сил хватит, – Адам протянул снимки. – Просто сделай так, чтобы девушку привезли сюда.

Человек наблюдал за ягуаром. Пятнистое тело перетекало с ветки на ветку, пока не замерло. Оно слилось с мешаниной света и теней тропического леса, и человек замер вместе с кошкой.

Он смотрел на спину, напряженную, как тетива лука. На жгуты мышцы, проступившие под кожей. На нервный хвост, кончик которого подрагивал.

И когда ягуар бросился вниз, человек вздрогнул и сдвинул стакан. Хруст стекла не отвлек его от экрана, а кровь в распоротой осколками руке казалась менее настоящей, чем та, которая стекала с усов зверя. Охота ягуара была удачна.

И человеку виделось в том доброе предзнаменование.

Он долго стоял под душем, жесткой щеткой раздирая тело. Холодная вода текла по плечам и спине, изуродованной поперечными шрамами, она делала кожу бледной, а рубцы – темными. И это нравилось человеку.

Эти отметки – свидетельство его избранности.

О них он думал, одеваясь и собирая сумку. К ним прислушивался, выбравшись из логова-квартиры. И, повинувшись указаниям, шел.

Менялись улицы. Названий многих человек не помнил. Мелькали люди, лица которых оставались в тени и с каждым днем все глубже в тень уходили. Человек старался, но старания его, видимо, были недостаточны. На перекрестке шрамы полоснуло болью, заставив пересечь пешеходную зебру в два прыжка и застыть у фонарного столба. Здесь.

Близко.

Очень близко.

Дрогнули вибриссы ягуара, почуявшего добычу. И зверь, сидящий внутри, повернул голову влево. К грязному серому телу пятиэтажки прилип кирпичный куб. Стены его прорезали бойницы окон, над дверью виднелась грязная вывеска, и человек-ягуар, прищурившись, прочел: «Спортивный зал».

Бог хотел воина.

Дверь безымянного зала была открыта. И в предбаннике сухой морозный воздух улицы мешался с влажной вонью, оккупировавшей помещения. Гремела музыка, громыало железо. За конторкой сидела девка с тусклым лицом и длинными искусственными ногтями.

– Позаниматься хочу, – сказал человек, извлекая бумажник. Девка хмыкнула и, окинув посетителя придирчивым взглядом, потребовала:

– Триста. В час.

Часа должно было хватить. Человек дал пятьсот. Купюра исчезла в ящике стола, и девица вернулась в прежнее, полусонное состояние.

Придет время, и она вспомнит незваного гостя. Вероятно, сумеет опознать. Но разве стоит беспокоиться о том, чего нельзя предотвратить?

Переодеваться пришлось прямо в зале. За человеком следили. Не таясь, не скрывая интереса и намерений. Он же, освобождаясь от тяжести одежд, уже сам разглядывал соперников.

Парень на турниках. Худ. Бледен. Немошен.

Бог не любит слабых.

Двое у штанги. Одинаково прыщавы и уродливы.

Бог достоин лучшего.

Двое на ринге. Один высок и красив, но тело его слеplено не им. Маслянисто блестит кожа, перекачиваются бессильные мышцы, которые – одна видимость. И гордый профиль вызывает лишь усмешку.

Второй боец сухопар, жилист, невысок. Подвижен. Точен в ударах.

– Мужик, ты бы майку надел, что ли, – крикнул парень, сползая с турника.

– Благодарю. Мне удобнее так.

Близнецы-не-по-крови зашептались, а лакированный красавчик, опершись на деревянный столбик, заметил:

– Тут свои правила.

– Я вызываю тебя на бой, – сказал человек, глядя на избранного. И тот не уклонился от взгляда, указал на ринг и стукнул перчаткой о перчатку.

– Леха, ты серьезно с ним, что ли? А я?

– Подождешь, – Алексей указал в угол. – Вон там и подождешь. Подумаешь о том, чего я тебе сказал.

– Я деньги плачу, между прочим.

– Как и он.

Человек ответил врагу благодарным поклоном.

– Бокс? – спросил Алексей.

– Без перчаток.

– Опасное дело.

– По-другому смысла нет. – Человек просочился меж веревками. Тело его требовало движения, сила бурлила внутри, требуя выхода. Ягуар рычал и бесновался, припадая на задние лапы и рассекая передними воздух.

Никто не видел зверя.

Танцевали долго. Алексей был легок и достаточно умен, чтобы не соваться под удар. Но терпения ему не хватало. Парни свистели, подбадривая. Девушка выползла из-за конторки и теперь торчала в углу, бесполезная, как пыльный фикус.

Острые запахи дразнили. Требовали действия.

Рев невидимого зверя затмевал разум. И в какой-то миг человек понял, что не выдержит этого кружения, этой непреодолимой близости соперника. И, отчаявшись, сделал шаг навстречу, чтобы тут же отступить, уклоняясь от удара.

А потом – ударить самому.

Ярость схватки погасила боль. Разум погасил ярость. И человек позволил себе дышать. Он стоял в центре ринга, а у ног, поверженный и стонущий, лежал избранник великого бога.

– Ни хрена се... – сказал кто-то, но человек не понял, кто именно. Присев, он протянул руку бывшему врагу и сказал:

– Признаешь ли ты мою победу?

– Да, – ответил Алексей, вытирая разбитые губы. – Ты псих. Ты мне зубы едва не выбил. Ты... вали отсюда!

– Мы встретимся. Скоро.

Не имея иного подарка, он оставил пятитысячную купюру. Ягуар уважал своих врагов. Из зала он выходил без опаски. Шакалье не дерзнет пойти по следу истинного хозяина леса. А тот, чье сердце даст миру еще немного жизни, признал себя побежденным.

День вышел удачным.

Лиска ехала молча. Она смотрела в окно и считала проезжавшие мимо автомобили, разделяя на четные-серые и нечетные-красные. Синие, зеленые и желтые Лиска пропускала. Конечно, можно было бы считать все подряд или не считать ничего, но тогда придется думать о том, что ждет Лиску впереди.

Ничего хорошего.

Вась-Вася зол. Папик в ярости, пусть и притворился, что Лискин уход его не трогает. В салоне воняет бензином и из-под стекол тянет. А печка вообще еле-еле работает.

– Что, отвыкла от такого? – зло поинтересовался Вась-Вася, перестраиваясь в другой ряд.

– Да, – честно ответила Лиска.

– Дура ты.

Она знает. Папик часто называл Лиску дурой. Еще идиоткой или имбецилкой, но только когда сильно злился. А потом брал в город, выгуливаться, и это было почти извинением.

– Вот скажи, тебе оно надо было? Надо?! – Вась-Вася сорвался на крик и даже по рулю ударил, как будто руль виноват, что все так вышло.

Лиска отвернулась к окну. Она узнавала город, и город ей не нравился. Грязный снег и больные деревья. Лавки, изрезанные чужими именами. Ларьки с дешевым барахлом. Магазины, в которых воняет, а продавщицы грубят. Дома. В домах обитают люди с унылыми лицами, которые точно по одной форме отливали, раз и навсегда запечатлевая выражение брюзгливости и усталости.

Они и на свет-то появлялись усталыми.

И жили, выживая в каменных джунглях, выгрызая друг у дружки добычу в виде премий, прибавок и рабочих мест.

А Лиска так не хотела и убежала. Теперь вот город послал Вась-Васю, чтобы вернуть беглянку домой. И никому нет дела, что возвращаться Лиске не хочется.

Машина сбросила скорость и медленно поползла по горбам и ямам дворового асфальта. Скрипели рессоры, дребезжал пластиковый цветочек на приборной доске, и Лиске пришлось вцепиться в седушку, чтобы не тюкнуться лбом в стекло.

– А здесь все так же, все то же, – сказал Вась-Вася, как будто Лиска сама не видела. Она помнила эти ямины, которые каждую осень и весну засыпали смесью песка и гравия, заливали поверху битумом, выставя черные заплатки на серой ткани асфальта. Но первый же дождь размывал бляхи. Во дворе становилось грязно, а мелкий камень забивался в подошвы и ботинки.

Однажды Лиска даже каблук сломала, споткнувшись.

Помнила она и серую яблоньку, которая, к восторгу дворовых старух, цвела. Помнила горку. Песочницу, куда попадал тот же мешанный с камнем песок, что и в дворовые ямы. Мусорные баки, разошедшиеся по швам. Помнила лавку и автомобильные покрышки, обретшие вторую жизнь в виде клумб.

И желтые пятна мочи на снегу. И сосульки, которые никто никогда не сшибал, а Лиска боялась, что однажды какая-нибудь отломится и стукнет по голове.

– Все. Приехали, – буркнул Вась-Вася, занимая на стоянке место, которое прежде принадлежало Лискиному отцу. Его «Жигуль», наверное, умер.

– Ну давай, выползай, чего расселась.

Он нарочно старался быть грубым, и Лиска с готовностью поддалась на обман. Она ссутулилась и кое-как выбралась из старой неудобной машины. Замерла, вдыхая дымный едкий воздух. Тянуло сероводородом. Небось на фабрике опять выброс был.

– Отец не обрадуется.

– Он умер, – ответил Вась-Вася, вытягивая из багажника Лискин чемодан. – И мать тоже. Разбились. Через месяц после того, как ты свалила. Мы тебя искали, чтобы сообщить.

Не нашли. Лиска очень хорошо спряталась.

Она понурилась и побрела к дому.

– Эй, я к тебе не нанимался багаж таскать! Не нанимался! – крикнул в спину Вась-Вася и все равно потащил, по яминам и льду.

В этом подъезде даже железную дверь не поставили. Наверное, хотели и собирались – Лиска еще помнила, что собирались, – но заканчивались собрания руганью да выяснением отношений.

Пахло плохо. На облупившихся стенах вились письма на древнем городском языке, каковой спустя сотни и тысячи лет станут изучать, гадая, какой высший смысл скрыт в соче-

тании трех букв. И кто-нибудь защитит диссертацию, доказав, что буквы эти – имя бога, на чью милость уповали древние люди...

О богах и людях думалось легко. Но новая дверь – стальная, темно-зеленого военного цвета – отрезала Лискины мысли.

– Твой брат поставил. Давай. Звони, – Вась-Вася водрузил чемодан на коврик. Лиска нажала на кнопку. Звонок задребезжал.

Если брата нет, то...

Дверь открыли.

– Привет, Серега. Вот. Нашел. Привел, – сказал Вась-Вася, протягивая руку. И Серега, старый друг, который лучше новых двух оптом, руку пожал. А на Лиску поглядел так, как не глядел даже папик после трехдневного запоя.

– Здравствуй, – Лиска скрестила пальцы на удачу.

– До свиданья. Вали туда, где была.

– Но...

– Спасибо, Васек, за старания, но зря ты. Я эту тварь знать не знаю. И видеть не хочу. Пусть катится.

– Остынь.

– Нет, Васек! Ты, может, и добрый, простил, что она тебе при людях в морду плюнула. А я не простил. Мамка убивалась. Папка убивался. Его инфаркт хватил за рулем. Из-за тебя, тварь! Из-за... – Серега сжал кулаки и двинулся на Лиску. И когда Вась-Вася преградил путь, не остановился, попытался оттолкнуть.

Хорошо, что Вась-Вася сильнее.

И плохо, что он появился в Лискиной жизни.

– Пусть валит! Откуда явилась, туда и убирается! Нагулялась! Тварь! Шлюха! Да на панель тебе...

Лиска улыбнулась. Она снова слышала море. Море шептало о покое.

Дверь захлопнулась, и Вась-Вася со вздохом спросил:

– Ну и что мне с тобой делать?

– Не знаю, – искренне ответила Лиска. – Наверное, ничего.

Геннадий не брал трубку. Анна знала, что он не ответит на звонок, но продолжала раз за разом набирать номер. Ей казалось, что стоит прекратить усилия, и все погибнет.

Все уже погибло.

Орхидеи первыми почувствовали неладное. И темная камбрия Эдны потемнела еще сильнее, а затем осыпалась, выражая неодобрение. Побледнела в ужасе Ванда голубая, а следом и цветы каттлеи Доу утратили свой неповторимый солнечно-золотистый оттенок.

Дольше всех держался фаленопсис Филадельфия. И тяжелые цветы его с упреком взирали на Анну, словно спрашивая: как ты это терпишь? Она не знала.

Ей казалось, что все произошедшее – случайность. И продлится она недолго. Ведь на самом деле Геннадий – хороший муж. Он любит Анну так же, как она любит его. И эта любовь, заверенная синей печатью в паспорте, протянет не один век.

Увлечения же... с каждым случаются.

И Анна прощала мужа, хотя он о прощении не просил. А однажды просто поставил перед фактом, что влюблен и желает развода. Анна тогда совершенно растерялась и спросила глупое:

– Она красивая?

– Очень, – честно ответил Геннадий и добавил: – И умница. Она заместитель начальника отдела. А в перспективе сама начальником станет.

В его словах скрытым подтекстом сквозило презрение к слабыхарактерности Анны. Геннадий и раньше повторял, что она – слаба и беззуба, что другая на ее месте давно бы выбилась в завучи, а то и в директора.

Анне же только ее орхидеи интересны.

– Дамочка, может, вы все-таки оставите телефончик в покое и приступите к непосредственным обязанностям? – осведомился кто-то на редкость неприятным голосом. Анна глубоко вдохнула, повернулась и мягко произнесла:

– Я вас слушаю.

– Слушает она. Начальник где? – Мужчина разглядывал Анну с выражением брезгливости и злости, которую пытался скрыть. Он был высок, плотно сбит и одет в некогда дорогой, а ныне мятый и грязный костюм. На мускулистой шее виднелась синяя вязь татуировки, а переносицу перечеркивал застарелый шрам.

– Начальник твой где, идиотка? – ласково поинтересовался посетитель и, протянув руку, легонько шлепнул Анну по щеке.

– Извините, но господин Тынин не выходит к посетителям. Все вопросы можно решить со мной.

– Господин... куда ни плюнь, господа одни. Грязевые князья, мать их. – И посетитель плюнул прямо в темно-синий зев ириса.

– Вы...

– Я. И ты. И твой господин Тынин. И все вообще! Какой в этом смысл, скажи? Какой, на хрен, во всем этом смысл?!

Только сейчас Анна учуяла запах спиртного.

– Вы присядьте, пожалуйста.

– Мне Тынин нужен, слышишь, коза? – он толкнул Анну в грудь. – Мне сказали, что он лучший. И что сам делом займется. А ты тут хрень всякую лепишь. Зови.

– Вы не должны...

– Это ты мне будешь говорить, чего я должен, а чего нет? – мужчина ударил себя в грудь. – Нет, дорогуша, ничего я тебе не должен! И никому не должен, кроме того скота, который Анечку убил...

Он вдруг покачнулся и рухнул, опрокидывая вазы и ломая сочные, но такие хрупкие стебли. Бабочки-фаленопсисы взмахнули лепестками и осыпались в ужасе.

И странным образом это свидетельство чужого горя заставило забыть о собственном. В конце концов, Геннадий жив, и Анна жива, а от этого человека близкие ушли.

– Его надо отнести в кабинет, – велела Анна охраннику, и тот не решился спорить.

Гостя уложили на диване. Анна стащила туфли, изгвазданные красной грязью, помогла снять пиджак и, решившись, сунула руку в карман.

В бумажнике, как она и предполагала, нашлись визитки.

«Переславин Эдгар Иванович, вице-директор».

И скромный логотип в верхнем левом углу. Этот логотип Анна узнала бы и во сне. Человек, лежавший на диване, был начальником Геннадия. Вернув бумажник в карман, Анна повесила пиджак на спинку стула. Пьяный спал, сунув сложенные руки под щеку. Он шевелил губами, пускал слюну и выглядел жалко. Его хотелось ударить, вымещая на беспомощном обиду за сломанные орхидеи и Аннину жизнь. Он виноват в служебном романе и в разводе, и вообще во всем остальном, потому что других виноватых рядом не находилось.

Анна закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

Переславин – просто несчастный человек, у которого кто-то умер. Остальное же – фантазии.

Смыв с ботинок грязь, Анна поставила их рядом с диваном и вышла. В морг она спускалась, цепенея от ужаса и уговаривая себя, что на самом деле мертвых бояться не стоит.

Адама тоже.

Он к насилию не склонен.

И вообще безопасен.

И выбора у Анны нет. Работа нужна. А значит, работать следует так, чтобы стать незаменимой.

К счастью, с Адамом встретила на лестнице. От него пахло мертвечиной, и Анна с трудом сдержала подкатившую к горлу тошноту.

– Вот, – только и сумела она выдать, протягивая визитную карточку. Адам взял визитку за уголок, стараясь не прикоснуться невзначай к Анниным пальцам. И рассказ Анны слушал молча, внимательно, а потом сказал:

– Ваш поступок мне видится верным. Однако будьте так любезны, известите меня, когда Переславин очнется. Еще был бы вам благодарен, если бы вы сочли возможным присутствовать при нашей беседе.

– К-конечно.

– Временные затраты я компенсирую, – пообещал Тынин, убирая визитку в карман. И неожиданно добавил: – Дарья будет вас проверять. Не сочтите данный факт вмешательством в вашу личную жизнь, хотя, несомненно, он таковым является. Некоторые события, имевшие место в недалеком прошлом, весьма повлияли на Дарью, пробудив в ней излишнюю подозрительность.

– Она из полиции? – Анна поднялась на ступеньку выше.

– Когда-то работала. В настоящий момент она – частный детектив.

Бывший мент и детектив. Великолепно. Да что за день такой? И почему Анне так не везет?

– Вам не о чем беспокоиться, – уверил Адам. – Более того, я всецело на вашей стороне.

– Спасибо.

– А теперь возвращайтесь к Переславиному. У меня имеются опасения, что обстоятельства смерти его дочери оказали слишком сильное воздействие на его разум, лишив способности адекватно воспринимать реальность.

Значит, Анечка, которую убили, дочь. Сколько ей было? И почему это стало вдруг так важно?

Переславин спал. И Анна, сидя в кресле, терпеливо ждала, когда иссякнет сон. Она надеялась, что это не случится слишком скоро, ведь лишь во сне этот человек сможет вернуться в прежнюю, нормальную жизнь. Анна не заметила, как задремала сама. Только ее сны были серы, словно выплетены из тени. И Анна нисколько не жалела, когда они заканчивались.

– Где я? – это было первым вопросом Переславина. Он лежал, тер глаза и разглядывал Анну с прежней брезгливостью.

– В кабинете Адама Сергеевича Тынина. Как вы себя чувствуете?

– Хреново.

Переславин перевернулся на спину и со стоном закрыл глаза руками. Так он лежал минуты две, и Анна не торопила.

– Воды дай.

Анна подала.

– Чего тут было?

– Вы желали видеть Адама Сергеевича. Он согласен вас принять. Но полагаю, сначала вам следует привести себя в порядок, – Анна старалась говорить ровно и спокойно.

– Полагает она... правильно полагает. Надо. Значит, я отключился? – Он провел ладонью по щеке и с удивлением потрогал щетину. – Черт. Не умею пить. Хамил?

– Вы были эмоциональны.

– А ты не умеешь врать.

Сев, Переславин попытался дотянуться до ботинок. Не вышло.

– Давайте я вам помогу, – предложила Анна.

– Отвали. Сам. – Он сполз на пол и, прислонившись спиной к дивану, застыл. Дышал Переславин часто, а лицо его покраснело. Он закрыл глаза, запрокинул голову и прижал ладонь к груди.

– Я врача вызову.

– Сказал же, отвали. Таблетки лучше подай. В пиджачке. Должны быть.

Прозрачная туба лежала в кармане, и Анна вытряхнула две желтых пилюли на широкую ладонь Переславаина, подала воды и плечо подставила, уговаривая прилечь. Но Переславин снова от помощи отмахнулся.

– Слушай, ты, тебе заняться больше нечем? Заботливая выискалась... видал я твою заботу... всех вас... и тебя тоже. – Переславин смотрел поверх Анниной головы, и Анна обернулась. Так и есть, на пороге комнаты стоял Тынин.

– У него с сердцем плохо, – Анне вдруг стало стыдно, что она сидит на полу рядом с совершенно незнакомым человеком и еще этому человеку навязывается.

– В таком случае ему не следовало злоупотреблять алкоголем.

– Эт точно, – Переславин оперся обеими руками на диван и поднялся. – А ты, значит, Тынин будешь? Я про тебя все знаю.

– Данный факт не дает вам право оскорблять моих сотрудников.

– А я тебя знаю, – Переславин больно ткнул пальцем в плечо. – Ты Генкина жена. Я на корпоративке тебя видел. Еще подумал, что ты – знатная овца. А он – парень не промах. Зубастый.

– Все-таки, возможно, нам лучше перейти к делу?

Анне удалось сохранить невозмутимость. И плакать почти не хотелось. Прав был Эдгар Иванович, овца она, а на правду не обижаются.

Человек трижды возвращался к спортивному залу. Он сел на грязную лавку в ледяной коре, вытягивал ноги, раскладывал на коленях газету и делал вид, что читает. Человек понимал, что в глазах других людей, так некстати проступивших из тени, он странен: ведь никто не читает газеты на улице при минус десяти.

Но человек не чувствовал холода. Его грело пламя истинной силы. И сетью, опутавшей его, ложились на губы древние строки.

Мыслью раскиньте, орлы и ягуары,
будь вы из золота,
будь из нефрита —
все вы уйдете в страну покинувших плоть.
Всем нам придется исчезнуть,
здесь никому не остаться¹.

Человек раскрытыми ладонями провел по лицу, и собственное дыхание обожгло кожу. Хлопнула дверь, выпуская двоих парней в спортивной одежде. Затем появилась и девица в розовой дутой куртке. За ней вышла еще одна, столь же неразличимая в сгущающемся тумане.

И человек вновь склонился над газетой.

¹ Гимн Несаяулькойотля.

Темнело. Звезды – глаза небесных ягуаров – следили за каждым его движением. Они видели сомнения и тревогу, как видели и решимость. И человек решил, что не подведет.

Человек скомкал газету и, сунув ее в урну, поднялся. Исшрамленная спина пела песню грядущего боя. И тот, кто вышел из дверей зала последним, остановился, глядя исподлобья.

– Чего вам надо?

– Тебя, – сказал человек, глядя на того, кому суждено было стать куаутекатлем².

– Да кто ты такой? – сжатые кулаки поднялись, но бить парнишка не спешил.

– Друг. Тот, кто поможет тебе подняться выше. У тебя неплохой удар. – Человек говорил то, что нашептывал ему дух-хранитель, и слова ягуара упали на благодатную почву чужих надежд.

– Вы тренер? – тон Алексея изменился. – Так бы сразу и сказали. На кой выпендрож-то?

– Хотел посмотреть, чего ты стоишь.

И это было правдой. Человек вообще не лгал, ибо ложь оскорбляла богов. Пожав протянутую руку – ладонь избранного была горячей, – он предложил:

– Поговорим?

– Поговорим. Звать тебя как?

– Зови Ягуаром.

Дух-хранитель улыбнулся сквозь тени, а парень лишь пожал плечами. Ему было все равно. Он уже видел свое будущее, обонял тот шанс, который позволит возвыситься. Ягуар видел его мечты: настоящий ринг. Соперник, который силен, но немного слабее, чем Алексей. Крики болельщиков. Вонь свежего пота и запах беснующейся толпы. Судья. Победа. Приз. Деньги и вся власть, которую они дают. Еще слава. И, несомненно, любовь, на каждую неделю новая.

И дурман надежд притуплял чувство опасности. Ягуар предложил:

– Пойдем, что ли.

– Пойдем, – согласился Алексей, закидывая на плечо спортивную сумку. Он шел рядом и чуть в стороне, демонстрируя независимость, но жадный взгляд поводком приклеился к шее Ягуара.

Добравшись до машины, которую он оставил в соседнем дворе, Ягуар сказал:

– Прокатимся?

– Куда? – Парень зачарованно глядел на внедорожник, и хром деталей слепил, а голос в голове нашептывал – еще немного, и машина будет твоей. Не эта, другая такая же. Или лучше.

– Кое-кто хочет на тебя посмотреть, – Ягуар сел на место водителя.

– Но...

– Если хочешь – оставайся.

Повернул ключ в замке зажигания. И рев мотора убил последние сомнения. Алексей ловко забрался на соседнее сиденье, перекинул ремень безопасности и произнес:

– Я не совсем в форме. Ты меня неплохо отделал.

– Это пока. Скоро ты сам сможешь отделать любого, – Ягуар улыбнулся, он очень долго тренировал эту улыбку перед зеркалом, и старания оправдались. Алексей осклабился в ответ:

– Точняк.

Он сидел смирно, пока машина катила по городским улицам. Он молчал, когда проехали центр и на несколько минут потерялись в скоплении домов-коробок. Он глядел в тем-

² Воин, который погибал в бою или на жертвенном камне, становился куаутекатлем, или спутником солнца. Каждый день он должен был вместе со своими товарищами занимать свое место в свите бога.

ноту, разрезаемую светом фар, и, только когда машина остановилась на пустыре, осмелился спросить:

– Мы где?

Ягуар воткнул шприц в шею и придержал обмякшее тело.

– Мы на месте, – ответил он, хотя ответ и не был нужен.

В запасе оставалась целая ночь. Ягуар намеревался провести ее с пользой.

Выбравшись из машины, он разделся до трусов. Спортивный костюм, купленный на рынке, пришелся впору, как и кроссовки. Дешевая обувь неприятно сдавливала ноги, а ткань костюма моментально промерзла и при малейшем движении похрустывала.

Ягуар выволок бессознательное тело и, закинув на плечо, зашагал. Его цель лежала на другом конце поляны, там, где начинался невысокий холм. Из-под снега торчали черные ости вереска, норовившие пробить резиновую подошву. Расколота молнией сосна почти осыпалась, и желтые ее иглы накрыли камень.

Скинув тело у корней дерева, Ягуар вернулся за сумкой. Душа его пела, предвкушая радость грядущей жертвы. Он щеткой счистил с камня хвою и листья, скребком убрал лишайники и мох, затем долго полировал мягкой тряпкой, возвращая утраченный блеск. Затем наступил черед холма. Человек лопатой расчистил снег, срезал побеги вереска и высыпал на землю желтый чистый песок. Утрамбовывал босыми ступнями.

У подножия камня легли орлиные перья и когти ягуара. Тяжелее всего пришлось со штырями, старый валун сопротивлялся железу. Удары молота разносились по окрестностям, бухало сердце в груди, и сыпалась крошка из гранитных ран. Ягуару стало жарко, и он снял куртку и майку. Пот градом катил по плечам и позвоночнику, обжигал шрамы.

Наконец все было закончено.

Ягуар сел на корточки у камня и приготовился ждать. До рассвета оставалось полчаса.

Часть 2 Встречи

Родился я в месяц Теотлеко, на разломе дня и ночи, и, сам того не ведая, принес матери огромное облегчение. Мучилась она родами долго, и многие соседи думали, что оправиться матушка не сумеет. Однако в тот миг, когда я покинул лоно ее, Тонатцин, милосердная мать, коснулась горячего лба роженицы губами и выпила жар, как пила жизнь.

Я не помню за малостью лет, было ли это правдой, однако же истинно иное – мои братья и сестры, каковых у меня было пятеро, появлялись на свет легко. И никто из них не умер в колыбели, что тоже было удивительно.

В день же моего рождения повивальная бабка обсидиановым ножом рассекла пуповину, отделяя меня от матери, и, омыв родниковой водой, сказала:

– Вот драгоценный камень, перо птицы кецаль.

А после обратилась ко мне со словами, каковые положено было говорить:

– Дорогой сынок, ты должен понять, что твой дом не там, где ты родился. Ты воин, ты птица кечолли, и твое предназначение – поить солнце кровью врагов и кормить Тлальтекутли, землю, их телами. Твоя страна, твое наследство и твой отец находятся в доме солнца на небе...

Отец мой, обрадованный исходом, каковой уже не мыслил благоприятным, послал за тональпоуки-предсказателем, который произнес такие слова:

– Твой сын родился под хорошим знаком. Он будет военачальником, богатым и храбрым. А имя его прославится среди прочих имен.

И на третий день мне подарили имя. То самое, которое я ношу ныне.

Рос я быстро, много спал и ел, опустошая материнскую грудь, чем неизменно радовал и ее, и отца, ибо виделось им в том предвестье будущей моей силы. Скоро мне перестало хватать материнского молока, и отец велел давать козье, смешанное с кровью.

Я до сих пор помню особый сладковатый вкус напитка и истому, что овладевала мной после. В ней приходили удивительные сны, которые я не мог истолковать. Я и рассказывать-то не умел, складывал слова, не находя нужных, и матушка, уже банюкавшая моего младшего братца, слушала и улыбалась детскому лепету.

Верно, будь сии сны обыкновенны, они бы покинули меня по достижении того возраста, когда родители определяют чаду путь.

И в воле их было отвести меня к храму, отдать в заботливые руки жрецов, дабы я, взрослея, постигал тайны веры. Могли они также оставить меня при себе, обрекиши на участь земледельца или пастуха, в каковой не видится ничего дурного. Но, видя мою силу, крепнущую изо дня в день, отец мой сделал выбор иной.

Он начал учить меня искусству боя и преуспел немало. Помимо отца, имелись у меня и иные наставники, от прославленных, изрезанных шрамами, до совсем еще юных, сбивавшихся в стаи в желании сбить с наглеца спесь. В тех давних драках мы не испытывали друг к другу ненависти, скорее уж учились ценить умение и силу, зная, что сие нам весьма пригодится.

И надо ли говорить, что я, еще не прозванный Ягуаром, был сильнейшим и быстрее-шим, чем премного радовал и родителей, и братьев.

И я, Алонсо, подтверждаю, что дикарь сей и поныне имеет стать особую, выделяясь среди прочих высоким ростом и телосложением, каковое мне прежде случалось видеть

лишь у греческих статуй. Двигался он с легкостью нечеловечьей, ступал бесшумно, и не раз и не два подходя со спины так, что я и помыслить не успевал о его присутствии.

Впервые я увидел его пять дней тому назад. Я спал, провалившись в сон без сновидений, ибо усталость измучила и тело мое, и дух. А потому не слышал я более ни стонов, ни плача, ни шипения огня, догрызавшего разрушенный город. И уж точно не услышал шагов Тлауликоли. Я проснулся оттого, что на грудь мне упала невыносимая тяжесть, а нос и рот заткнула чья-то рука. Я не успел закричать, как вновь провалился в небытие.

Второе пробуждение случилось в джунглях. И что меня поразило – невиданное спокойствие мира вокруг нас. Словно мы все чудесным образом переместились во влажную трубу леса, а он милосердно отсек и звуки, и запахи войны, заменив их иными.

Я лежал, вдыхая волшебный аромат цветов, я смотрел, как пред очами моими порхают бабочки, я слушал, как рычат звери и тихо, шепотом переговариваются люди.

И только пожелав спросить, где нахожусь, я понял, что рот мой закрыт, а руки и ноги – связаны. Я лежал на носилках, и два рослых дикаря несли меня, будто восточную принцессу на паланкине. Заметив, что я пришел в себя, они остановились и знаками пододзвали главного.

Он появился из тени, неотличимый от нее, и я поначалу решил, что Тлауликоли – демон, каковых на этой земле бесчисленное множество. Он же, заглянув мне в глаза, сказал: – Отныне вы – мой пленник.

И в ответ я лишь кивнул, признавая его право и силу. Я вглядывался в это лицо, черты которого, спрятанные под краской, несли печать благородства, и гадал, какой исход изготовит мне судьба.

А Тлауликоли уже исчез. Путь продолжился. На вечернем привале мне развязали ноги и позволили сделать два десятка шагов вокруг огромного дерева, в ветвях которого прятались диковинные птицы и звери. А после меня и других пленников, которых было пятеро – один мой соотечественник и четверо индейцев из племени тескоко, – накормили. Затем путь наш продолжился.

Мешики, сопровождавшие нас и несколько носилок, содержимое каковых было скрыто под тканевыми пологами, были неутомимы. Они шли и днем и ночью, и останавливались разве что ненадолго. Большие меня не несли, заставляли идти самого, и этот путь запомнился мне стертymi ногами, страхом и упрямым желанием доказать дикарям, что милостью Божьей я столь же силен, как и они.

После Тлауликоли сказал, что путь этот длился два дня, а я не поверил, до того тяжелой, выматывающей оказалась дорога. И когда нам позволили сделать длинный привал, я рухнул на землю и пролежал, не желая ни есть, ни пить.

– Тебе нужны будут силы, – сказал мне Тлауликоли, садясь рядом.

– Зачем? Ты же убьешь меня!

Признаться, в тот миг я ослабел настолько, что готов был заплакать. А если бы не лежал – упал бы в ноги дикарю, умоляя пощадить. Он же мягко, будто я был не пленником, а другом, произнес:

– Каждому уготована своя судьба. Нет нужды бороться с тем, чего невозможно одолеть.

И мне стало стыдно.

Я, брат Алонсо, дитя милосердного Господа нашего, верный слуга короля Карла, вместо того чтобы умереть с достоинством, положенным роду и моему сану, скулю, как бездомный пес.

Поднявшись с земли, я учтиво поблагодарил дикаря за слова, которые вернули мне силу духа, и спросил об имени его.

– Тлауликоли, но ты можешь называть меня Ягуаром.

И я спросил:

– Почему?

– Потому, – ответил Тлауликоли, показывая мне золотую пластину с выгравированным на ней зверем, – что я тот, в ком живет его дух.

Осмелев, я попытался сказать ему, что в людях живет дух Божий, а прочие все – суть тьма и обман. Тлауликоли же, выслушав мою пламенную речь, улыбнулся и протянул сухую лепешку с куском вяленого мяса:

– Поешь. Нам предстоит долгая дорога.

– Куда мы идем?

– Туда, где ты сможешь увидеть тьму собственными глазами. В проклятый город Уималь.

Справедливости ради следует упомянуть, что Тлауликоли не был жесток и, отведя нас от осажденного города на несколько дней пути, ослабил пути. Мой товарищ по несчастью воспользовался этим и пробовал бежать. Он, простой испанский солдат Педро Сальтос, еще надеется на спасение, тогда как мне ясно: мы обречены. И мысль сия не вызывает страха, скорее недоумение, как вышло так, что я, скромный сын сапожника из Мадрида, очутился на краю мира? И за что мне, человеку, верующему искренне, выпала судьба умереть на алтаре золотого идола?

И чем больше я думаю над участью своей, тем крепче во мне желание рассказать все, как есть. Быть может, хроники мои исчезнут вместе со мною, однако, уповая на волю Всевышнего, я продолжу малое деяние мое.

А коль скоро я взял на себя труд поведать о человеке, в руках которого нахожусь, то правильно было бы сказать несколько слов и обо мне, а также обо всех нас и пути, приведшем в сей благословенный и проклятый край.

Я, смиренный брат Алонсо, принадлежащий к славному ордену Святого Доминика, в миру звавшийся Алонсо Гонсалесом, некогда житель весьма честного города Сантьяго-де-Гватемала, один из первых открывателей и конкистадоров Новой Испании и ее провинций, сын Франсиско Гонсалеса дель Кастильо, что был славным и честным сапожником, и Марии Диес Рехон, его законной жены.

...Так как мой отец и мой брат всегда были слугами Королевской Короны и оставили по себе весьма славную память, то и мне, уже ступившему на стезю служения Господу, хотелось походить на них. Желание это крепло из года в год, пока не стало мне тесно в городе Сантьяго и даже в самом Мадриде. Оттого в год 1514-й оставил я Кастилию, чтобы после многих скитаний оказаться на острове по названию Куба, каковой был недавно завоеван. Губернатором там был идальго, которого звали Диего Веласкес, уроженец Куэльяра, человек, как ныне знаю, бесчестный и жадный.

Целых три года провели мы там без всякого дела. Земли Кубы были поделены, индейцы усмирены, и всеобщая благодать усугубляла мою тоску. Прочие же люди, среди которых было много тех, кто живет едино войной, также проявляли недовольство. И вот, собравшись в числе ста десяти человек, они соединились с идальго, которого звали Франсиско Эрнандес де Кордова, приняв решение назвать его капитаном. Он же позвал меня. Желание попытать счастья и близость чужой удачи привели к тому, что я согласился без раздумий. Мы купили два довольно хороших корабля. Третье судно дал нам в долг сам губернатор Диего Веласкес.

В восьмой день февраля месяца 1517 года все собравшиеся, прослушав мессу, препоручив себя Богу и Деве Марии, Его благословенной Матери, вышли в море из гавани Ашаруко.

Шли мы вдоль северного берега Кубы, и в двенадцатый день, пройдя мыс Санто-Антон, вышли в открытое море. Капитан взял курс на запад, что было весьма опасно,

потому как не имели мы карт и не знали мелей, течений, ветров. Двое суток мотал нас шторм, и уцелели мы едино благодаря Господу Богу. Когда же буря стихла, то увидели мы землю, и случилось сие в двадцать первый день от нашего выхода из гавани. Эта земля приняла прах многих, и там впервые увидел я богов, столь страшных, что разум мой помутился.

Индеец, пленивший меня, попросил истолковать написанное, что я и сделал. Он слушал с превеликим вниманием и задавал вопросы, каковыя свидетельствовали о беспримерном уме. И я с превеликой охотой отвечал на его вопросы. Нет, не было в том надежды на спасение мое, ибо Ягуар, как и прочие соплеменники его, выказал изрядную твердость духа, однако мне было важно поведать ему то, каким я вижу наше пришествие и нашу миссию.

Я верю, что сам Всевышний привел нас сюда, дабы милостью своей остановить кровопролитие, низвергнуть идолов золотых и спасти тысячи невинных душ.

Та самая первая наша экспедиция закончилась плачевно: пережив несколько столкновений с индейцами, потеряв многих убитыми и ранеными, едва не погибнув от жажды, мы вернулись на Кубу и доложили губернатору об открытии своем. Мы рассказали, что земли эти богаты, поселения их велики, а многие постройки сложены из камня и извести, население одето в хлопчатобумажные ткани, возделывает маис и имеет золото. Также передали мы ему двух индейцев, плененных на Мысе Коточе, которых звали Мельчорехо и Хульянильо.

На эту прекрасную экспедицию пошли все наши средства, а взамен мы получили лишения, раны и смерть. Пятьдесят семь человек отдали свои жизни, а капитан наш, славный идальго, мужественно переносивший все испытания, умер на десятый день по прибытии.

Губернатор же, Диего Веласкес, обо всем доподлинно написал в Испанию, поспешив известить о величайшем открытии. И ему поверили; епископ Бургоса и архиепископ де Росано – дон Хуан Родригес де Фонсека, президент Королевского Совета по делам Индий, отписал Его Величеству во Фландрию, восхваляя заслуги Диего Веласкеса.

Признаться, я с тоской вспоминаю те прежние дни, ибо было тогда жить непросто, однако же понятно. Новые земли виделись нам воплощением всех чаяний. Люди только и говорили, что о богатствах, в них сокрытых, и даже я, каковому смиренным быть надлежит, не сумел найти в себе силы и отринуть мысли о золоте.

Мой товарищ по несчастью, каковому я читаю свои записи, смеется. Он полагает, будто монахи не более святы, нежели портовые шлюхи, но шлюхи честнее. Я прощаю ему грубость, понимая, что и эта очерстневшая душа мила Господу.

Он, однако, на мои слова отвечает руганью. Он упрям, этот бесхитростный человек, постоянный в своей жажде жизни. Вчера, когда Ягуар склонился над ним, проверяя пути, Педро вскочил и попытался сбить дикаря с ног. А когда не вышло – ударил головой, метя в лицо. Но Ягуар ловок, у Педро не вышло причинить ему вреда. Ягуар не стал наказывать Педро за подобное.

Он лишь проверил пути, а после объяснил мне, что идол, в жертву которому мы предназначены, любит воинов. А мне подумалось, что я-то – никоим образом не воин, а потому имею шанс выжить. И тут же сам отверг сие предположение.

Куда бы мы ни направлялись, но вернуться к пылающему Теночтитлану, вызвавшему во мне ужас столь же глубокий, сколь и восторг, не выйдет.

Но возвращаясь к истории, каковая выходит весьма и весьма путаной. Залечив раны, мы вновь пытались достичь земель острова, прозванного Юкатаном, и экспедиция эта была успешней предыдущей. Она-то и убедила всех в том, что надо собрать флотилию достаточно великую, чтобы завоевать сии земли, заселенные дикарями.

Тогда нам это виделось мероприятием легким, ведь индейцы, обитавшие на Кубе, отличались трусостью и леностью, а потому не способны были воевать. Мы не знали, что на открытых землях лежит иная страна – земля великого императора Мотекоsumы и вои-

нов его. Мы видели пред собой золото, которое жители Табаско приносили нам в огромном количестве, и идолов, жаждущих крови. Не ведаю, что более туманило разум.

Итак, губернатор Диего Веласкес приказал снаряжать большую армаду. Десять судов собрались в гавани Сантьяго-де-Куба. Началась и заготовка сухарей, хлеба из кассавы, копченой свинины и прочего провианта. А главным над всеми стал Эрнан Кортес, каковой был назначен генерал-капитаном, и секретарь губернатора Андрес де Дуэро поспешил странно изложить все его полномочия и представил их Кортесу в виде готового, надлежащим образом скрепленного документа.

И воистину вышло так, что Эрнан Кортес стал избранником для превозношения нашей святой веры и служения Его Величеству. А следует сказать, что доблестный и храбрый Эрнан Кортес – известный идалго, происходивший от четырех родов: во-первых, через своего отца Мартина Кортеса-и-Монроя – от рода Кортесов и от рода Монрой, а во-вторых, через свою мать Каталину Писарро-и-Альтамирано, – от рода Писарро и от рода Альтамирано.

Он был храбр и силен, а также красив и обходителен, чем сыскал любовь многих. С легкостью располагая к себе людей, Эрнан взял для экспедиции у купцов четыре тысячи песо золотом, а после еще четыре под залог собственной энкомьенды. И на деньги эти приобрел множество товаров – как пороха, аркебуз, арбалетов и прочих военных запасов, так и товаров для обмена.

Также Кортес приобрел себе бархатный парадный камзол с золотыми галунами и велел изготовить два штандарта, искусно расшитых золотом, с королевскими гербами и крестом на каждой стороне, и с надписью, гласившей: «Братья и товарищи, с истинной верой последуем за знаком Святого Креста, вместе с ней победим». Под этими знаменами герольды с трубами и барабанами ходили по городу, призывая всех желающих примкнуть к великой экспедиции. Каждому Кортес обещал долю в добыче, а после завоевания – энкомьенду с индейцами.

Закончились сборы на Гаване, где к нам примкнули многие славные рыцари и простые люди. Тут же купили мы и лошадей, каковых на Кубе было чрезвычайно мало. Еще Кортес велел позаботиться о нашей артиллерии, которая состояла из десяти бронзовых пушек и нескольких фальконетов. Все они были перенесены на сушу, и первый канонир Месса тщательнейшим образом их проверил. Каждый купленный арбалет снабжен был свежей натяжкой и новой машинкой, а также испробован на дальность и силу выстрела. В Гаване изготовили мы ватные панцири, широко распространенные среди индейцев, отлично предохраняющие от ударов копий, дротиков, стрел и камней.

Ягуар говорит, что Кортес был мудрым военачальником, и в сих словах мне видятся печаль и недоговоренность. Я не смею спрашивать, однако думаю, что знаю помыслы и желания сего индейца. О, сколь хотелось бы ему повернуть прошлое, сделать все так, чтобы в тот день, когда корабли наши причалили к берегам Новой Испании, на троне мешков восседал нынешний правитель, пусть молодой, но отчаянно храбрый! И странно мне было, что этот человек находит в себе силы восхищаться врагом. Но знаю я – именно в том и состоит промысел Божий.

Он в 10-й день февраля месяца 1519 года вывел корабли из гавани. Он ниспослал ветер и удачу, а также еще несколько судов со множеством рыцарей и солдат.

Остановившись у острова Косумель, мы и пробыли там три дня, производя окончательный подсчет наших сил. Оказалось, что на одиннадцати кораблях, больших и малых, собралось 508 солдат, не считая маэстре, пилотов и матросов; 16 обученных жеребцов и кобыл; 32 арбалетчика и 13 аркебузников, и 10 бронзовых пушек и 4 фальконета, много пороха и ядер. На острове подобрали мы нашего земляка, Херонимо де Агиляра, каковой

после кораблекрушения восемь лет прожил среди индейцев и знал их язык в совершенстве. Много ужасного поведал он нам, укрепляя в мысли о правильности избранного пути.

И вновь мы вышли в открытое море, и было оно милостиво, сохранив все корабли. И в 12-й день месяца марта 1519 года мы подошли к реке Грихальва. Огромное количество вооруженных индейцев собралось на берегах ее, в воде кишели лодки, стоял жуткий крик. Это было чужое сражение, но нам выпало вязаться в него. Кортес отдал приказ, и меньшие из кораблей вошли в устье реки. Индейцы бросились на нас, как голодные псы на оленя. Заревели рога, воздух распоролы стрелы, но мы не спешили открывать ответный огонь.

Сначала выступил королевский эскривано Диего де Годой, который с помощью переводчика Агиляра торжественно объявил, чтобы индейцы дали нам беспрепятственно набрать свежей воды и что, если они нас атакуют, вина за убийство падет на них. Индейцы же, разъяренные битвой и ищущие нашей крови, остались глухи к словам мира.

Признаться, тот бой остался в памяти моей мельтешением смуглых тел, каковых было так же много, как и муравьев в разворошенном муравейнике. Они шли волной, но та разбивалась о солдат, которые уже успели высадиться. Нам приходилось сражаться, стоя по пояс в воде. Ноги вязли в глине, и Сальтос, вспомнив тот бой, добавил, что дикари дрались как черти.

Мне думается, что это – похвала.

Но вот когда и солдатам, и капитанам удалось выйти на берег, именем Господа и Испании они так ударили по врагу, что опрокинули строй. А с другой стороны открыл огонь Алонсо де Авила. И враг дрогнул. К чести их, отходили они, сохранив порядок. Индейцы укрылись в свежестроенных засеках, а после отступили к городу, каждая улочка которого была забаррикадирована.

После немалых трудов мы все же завладели городом. Он был невелик, но, помимо прочих зданий, имелся тут большой внутренний двор, где располагались три строения для нечестивых идолов. Кортес по всей форме объявил страну сию владением нашего государя. Мечом своим он трижды ударил о большое дерево и заявил, что мечом и щитом и всей своей мощью он готов защитить новое владение от всякого, кто будет его оспаривать, а мы все громко свидетельствовали правильность акта и принесли клятву помогать ему всегда и всюду. Королевский эскривано все это записал в протокол.

Затем мы подсчитали первые потери. Мы имели четырнадцать человек ранеными, а убитых индейцев на поле осталось восемнадцать. И сие свидетельствовало, что Господь – на нашей стороне.

Ночь провели мы в совершенно пустом поселении, а на следующее утро Кортес приказал Франсиско де Луго отправиться на разведку в глубь страны, но не дальше двух легуа. И я был с ними. Мы не прошли и одного легуа, как натолкнулись на множество индейцев. Были они вооружены и стояли военным строем, имелись при них и барабанички, и те, которые дули в рога. Командиры же были украшены плюмажами из перьев, а лица – разрисованы.

Увидев нас, индейцы стали стрелять и метать зажженные дротики, и делали это столь умело, что поначалу им удалось внести смятение в наши ряды и ранить многих. Однако же подоспел отряд Педро де Альварадо, который был отправлен в другую сторону, но, услышав выстрелы аркебуз, бой барабанов и вопли индейцев, свернул с дороги. Это столкновение обошлось нам в двоих солдат, а еще несколько было ранено.

Кортес, весьма разгневавшись, велел разгружать корабли, ибо полагал, что скоро нам придется участвовать в большом сражении. И видит Бог, он не ошибся.

Рано утром следующего дня мы двинулись вперед, к тому месту, где перед этим сражались Франсиско де Луго и Педро де Альварадо. А отряды индейцев двинулись нам навстречу. Кортес же с конницей шел в обход. У индейцев были большие плюмажи, барабаны и трубы, а лица красные, белые и черные, и были у них луки и стрелы, копыя и щиты,

мечи же – как двуручные, множество пращей и камней, дротиков, обожженных на огне, и каждый индеец был в стеганом хлопчатобумажном доспехе. Число неприятеля было так велико, что все окрестные поля кишели людьми. Отчаянные, они бросились на нас и с первого же натиска ранили семь десятков человек. Мы отбивались, а когда наш Меса взял индейцев на прицел, ударила артиллерия...

Никогда не забуду адского шума, свиста и крика при каждом нашем выстреле. Я буду помнить, как они с заклинаниями бросали вверх землю и как вопили, взывая к богу, как они делали вид, что не замечают потерь. В общем шуме коннице удалось подойти незаметно. И вот Кортес ударил с тыла, завершая победу, и маленький отряд его произвел чудеса. Никогда еще индейцы не видели лошадей, и показалось им, что конь и всадник – одно существо, могучее и беспощадное. Вот тут-то они и дрогнули, но и то не побежали, а отошли к далеким холмам.

С великой радостью бросились мы на землю, в тень, чтобы немного успокоиться и отдохнуть, затем все вместе возблагодарили Бога за победу. Был это день Девы Марии в марте, и вот назвали мы городок, близ которого случилось сражение, Санта-Мария-де-ла-Виктория. Лишь потом принялись мы за перевязку ран: людям пришлось соорудить бинты из платков. Лошадей мы пользовали жиром, вытопленным из тел павших индейцев. Их погибло больше восьми сотен, а пятерых мы захватили живыми. Голодные и измученные, вернулись мы в лагерь, похоронили наших двух убитых, выставили сторожевую охрану, поели, а затем, вознеся благодарственную молитву, легли спать. Таково было первое крупное сражение Кортеса в Новой Испании, и длилось оно более часа.

На десятый день нашего пути один из тескокцев умер. Он шел передо мной, и я видел лоснящуюся смуглую спину со вздутыми мышцами, видел и ладони, обнявшие шест, на котором крепились носилки, увидел и яркую молнию, что метнулась к ноге индейца.

Он закричал и запрыгал, выпустив носилки, и трое других не сумели их удержать. Покосившись, носилки затрещали, а содержимое их упало на влажную землю.

И снова блеск золота и драгоценных камней застил мне глаза. Я смотрел на голову идола и, ужасаясь его уродством, восторгался тем несметным богатством, которое открылось моему взгляду.

Голова была величиной с надутый бычий пузырь, и хоть и сделана не из цельного куска золота – иначе носильщики не сумели бы сделать ни шагу, – но металла на изготовление пошло преизрядно. Поразили меня также глаза, умело выложенные из драгоценных камней – синих сапфиров, алых рубинов и бесцветных алмазов.

– Матерь Божья! – прошептал Педро и положил мне руку на плечо.

А я простил ему имя Мадонны, помянутое всуе.

И замороженные, смотрели мы на чужого бога, и он смотрел на нас, ухмыляясь толстыми уродливыми губами. А после вдруг появился Тлауликоли и заботливо укрыл голову накидкой.

Он же закричал на носильщиков и воинов, что глядели на бьющегося в корчах тескокца. Нога его почернела и раздулась, а губы стали синими. Он хрипел и раздирал ногтями грудь, но никто не решился принести несчастному облегчение.

Но вот Тлауликоли склонился над лежащим и одним движеньем взрезал ему грудь. Тлауликоли запустил в разрез руку и вырвал сердце, которое поднял высоко над головой. И кровь текла по рукам, а мешики, обретшие прежнее спокойствие, завопили и запрыгали, точно демоны.

Тогда-то я, пожалуй, окончательно осознал, какая ужасная участь ждет меня. Я стоял и видел собственное сердце в руках Тлауликоли и кровь свою на губах его золотого

демона. Я будто бы оцепенел, а Педро, упав на колени, принялся молиться истово, как, верно, не молился никогда в жизни.

Когда же мы двинулись дальше, Педро шел медленно и спотыкаясь на каждом шаге, а я не знал, где взять слова, которые бы могли ободрить спутника.

Тем же вечером я задал Тлауликоли вопрос:

– Почему ты просто не убил этого человека?

Он ничуть не оскорбился и не смутился, но присел на корточки, как делал всегда, когда намеревался отдышаться, и ответил:

– Затем, что его взял себе Уицилопочтли. Это он послал змею, подав нам знак.

– Твой бог жесток. Зачем он велит тебе убивать людей?

– А твой бог разве не велит? – мне показалось, что Тлауликоли улыбнулся.

– Нет. Господь милосерден. Он любит детей своих.

– Если твой бог не велит тебе убивать, то почему вы пришли сюда и убиваете?

И я, Алонсо, смиренный брат, не нашелся, что ответить. А Тлауликоли поведал мне о странной вере мешиков. А также дал бумаги, перо и краску, чтобы я записал его слова.

Бог ночного неба Тескатлипока, Дымящееся Зеркало, был первым, кто сделался Солнцем. Так началась первая эпоха – эпоха четырех ягуаров. Другие боги сотворили людей-гигантов, которые не работали и не возделывали землю, а только питались плодами.

Но Солнце не двигалось на небе так, как положено. В полдень уже наступала ночь, и ягуары пожирали людей. Холод и темнота окутывали землю. Тогда Кецалькоатль Пернатый Змей ударил Тескатлипоку своим посохом, и тот упал с неба в воду. В воде он превратился в ягуара, вышел на землю и пожрал всех гигантских людей. Так земля снова стала необитаемой.

Но Кецалькоатль сам сделался Солнцем, и началась вторая эпоха. Землю вновь населили люди. И было спокойно на Земле некоторое время. Однако Тескатлипока не желал мириться. Он превратился в ягуара и одним ударом сбросил Солнце на землю. И опять земля осталась без Солнца. Поднялся страшный ветер и повалил все деревья. Все, что было на земле, было унесено ветром. Большая часть людей погибла. Те люди, что остались в живых, превратились в обезьян. Так окончилась вторая эпоха – Солнца Ветра.

Тогда боги сделали Солнцем Тлалока, бога дождя и небесного огня. И началась эра Третьего Солнца. Но обиженный Кецалькоатль сделал так, чтобы с неба падал огненный дождь, и вулканы открыли свои кратеры, с неба падали песок и раскаленные камни. Большая часть людей погибла, а те, кто выжил, превратились в птиц. Так окончилась третья эпоха – эпоха Солнца Огненного Дождя.

Четвертым Солнцем стала сестра Тлалока, богиня воды Чальчиуитликуэ. И закончилась ее эпоха, когда Тескатлипока сделал так, что дождь не прекращался. В течение многих дней шел дождь, и землю затопило. Вода унесла растения, животных и людей. Те люди, которые остались в живых, превратились в рыб. Так окончилась эпоха Четвертого Солнца.

Но дождь шел так сильно, что небо обрушилось на землю. Земля в любой момент могла развалиться на части. Тогда четверо главных богов собрались опять для того, чтобы поднять небо. Тескатлипока и Кецалькоатль превратились в большие деревья, а остальные боги помогли им поставить небо на свое место.

Четыре раза боги пытались сотворить человечество, и четыре раза мир был разрушен из-за вражды между Тескатлипокой и Кецалькоатлем. Опять было холодно и темно, и не было солнца.

И собрались боги, спрашивали они друг у друга, кто же теперь будет жить на земле. Не было ответа. Тогда Кецалькоатль отправился в Подземный Мир и принес кости старых людей. Он окропил их своей кровью. Так возникли новые люди, которые населили землю.

Но было еще темно, потому что еще не было солнца. И стали спрашивать боги друг у друга:

– Кто желает стать Солнцем?

И молчание было ответом. Никто не отважился, потому что для этого необходимо было пожертвовать жизнью. Наконец поднялся один богато одетый господин и сказал:

– Я буду Солнцем!

И еще раз спросили боги, не хочет ли кто-нибудь еще стать Солнцем, и вышел еще один бог. Он был беден, из одежды на нем была только набедренная повязка, а тело его было покрыто язвами. Но он смело сказал:

– Я буду Солнцем.

Богатого господина звали Текусистекатль, бедного звали Нанауацин.

Затем и бедный, и богатый удалились, для того чтобы подготовиться к церемонии. Четыре дня они должны были поститься и приносить дары богам.

Текусистекатль принес в дар драгоценные перья кецаль, золотые слитки и украшения из нефрита и коралла. Нанауацин же принес в дар сосновые ветки, орехи и колочки агавы, смоченные его собственной кровью. Это было все, чем он мог пожертвовать, но у него было чистое сердце, и он искренне желал помочь людям.

Когда прошли четыре дня и четыре ночи, боги разожгли на вершине горы большой костер и встали по обе стороны его. В этот костер должен был броситься бог, пожелавший стать Солнцем, чтобы пройти очищение пламенем и взойти на небо.

Текусистекатль приблизился к костру, чтобы броситься в него, но жар был такой сильный, что бог не смог побороть свой страх. А бедный Нанауацин не колебался. Он закрыл глаза и бросился в костер. В тот же момент языки пламени взметнулись до самого неба.

Богатый Текусистекатль устыдился своего малодушия и бросился в костер вслед за Нанауацином. Огонь поглотил и его. В тот же миг небо стало красным, как пламя, и взошедшее Солнце ярко блистало в свете золотых лучей. Никто не мог на него смотреть, таким ярким и горячим оно было. На земле стало светло и тепло.

Но когда Солнце проделало свой путь, к большому удивлению богов, взошло второе Солнце. Это был Текусистекатль, который бросился в костер вслед за Нанауацином. Тогда один из богов поймал пробежавшего мимо кролика и бросил его в Солнце-Текусистекатля. Это убавило его блеск, сделало его более холодным и тусклым. Так появилась Луна.

И оба светила оставались неподвижны.

Так мне поведал индеец из племени мешиков Тлауликоли, прозванный Ягуаром.

– Чтобы Солнце продолжало свой путь по небу, а тьма не поглотила мир навсегда, необходимо было каждый день кормить его «драгоценной водой» чальчиуатль, – разъяснил он, показывая изрезанные руки. И понял я, что речь идет о крови.

– Если Солнце будет голодным, – добавил Ягуар, – оно, обессилев, падет на землю.

Я видел искренность его веры, и слова убеждения застряли в моем горле.

Всю ночь до рассвета, слушая рыканье зверя, бродившего где-то рядом, я думал о том, что мир мешиков был болен от самого сотворения. Иисус, сын Божий, отдал за людей и кровь, и самую жизнь, но разве требовал он столь суровой платы за свое великое деяние? Именно в том мне виделось главное различие и главная же причина, приведшая нас сюда.

И благословил я тот день, когда Кортес ступил на берег Новой Испании, дабы избавить эту страну от опасных заблуждений и принести ей покой душевный. И, думая о многих умерших, я утешал себя тем, что пали они во имя Божие, а значит, обрели вечную благодать у престола Его.

Виделось мне будущее, в котором Новая Испания, чистая, словно дева, склонила колени пред наихристианнейшим величеством королем Карлом. А он милостиво принял ее в

число земель своих, и Церковь благословила сей союз, радуясь многим тысячам спасенных душ.

Под утро я задремал. И снился мне зверь хищный, огромный, со шкурой из золота, на которой темнели круглые пятна, словно следы от ожогов.

Глаза у зверя были желты, как у самого Глауликоли.

Глауликоли теперь каждый вечер садится рядом и смотрит, как я пишу. Он терпеливо ждет, пока я не закончу работу, а затем просит рассказать о написанном.

Он умен и смел, и тем более тяжело мне видеть, что сей человек, способный повернуться к Господу нашему Богу, добровольно пребывает во тьме. И я не оставляю попыток достучаться до души его. Мой же товарищ по несчастью полагает меня глупцом, но говорит о том без прежней злости и даже с печалью, каковая мне видится явным свидетельством сломанного духа. Я стараюсь утешать его, как могу. Я рассказываю о мучениках, претерпевших многое во славу Божию, и о людях иных, не менее достойных. Я говорю о милосердии и рае, что ждет нас, ибо обещано было каждому, крепкому духом и помнящему имя Бога, что достигнет он врат Царствия Небесного.

Педро слушает. Он стал истов в молитве, и в том мне видится благо.

Что до прочего, то мы по-прежнему идем сквозь джунгли, и я уже привык к извечной сырости их, душности и яркости. Я перестал обращать внимание на диковинных зверей и птиц, каковых здесь превеликое множество.

Однажды лес закончился, прерванный водной жилой реки. Она была широка и цвет имела ярко-синий, воды несла быстро, разбиваясь в пену о каменистые берега. Мы двинулись вниз по течению и шли до вечера. А надо сказать, что теперь, когда мы удалились от города мешиков, несомненно, уже навшего, на расстояние столь изрядное, Глауликоли больше не торопился. Он берег людей, давая им и нам отдых. Носилки, которых насчиталось пять, передавались от одних мешиков другим, и воины не видели ничего зазорного, чтоб превратиться в носильщиков.

Вообще, сколь успел я заметить, жители этого края много более трудолюбивы, чем кубинцы. Я видел каменные дома и возделанные поля, видел сложно устроенные каналы и колодцы, хранившие воду. И тем печальнее было видеть прочее.

Итак, мы шли вдоль реки, которая становилась все уже и бурливей. Она вгрызалась в землю, и берега поднимались все выше и выше, пока поток не превратился в тонкую ленту на глубине ущелья. И вот тут мы узрели мост. Он был подобен струне, натянутой меж двух берегов, и второй край этой струны терялся в тумане. Мое сердце забило быстро, а Глауликоли сказал, указав на ту сторону:

– Завтра мы перейдем. Отдыхайте.

Его люди стали устраивать лагерь, двое ушли в джунгли, чтобы вернуться спустя некоторое время с добычей – большим и косматым зверем, напоминавшим свинью. Мясо его, пожаренное на костре с травами, имело сладкий вкус, но было мягким и сочным.

Педро от мяса отказался, в последние дни он ел только плоды, маисовую кашу и уже изрядно заплесневелый сыр. Его стремление к укрощению плоти похвально, и я бы последовал примеру Педро, когда б не чувствовал себя обессиленным. Я не знал, сколь долго нам еще идти до проклятого города, и боялся, что, если стану слаб, Глауликоли вырежет мне сердце. А потому я поел вместе со всеми, а насытившись, задал вопрос, каковой мучил меня давно:

– Правда ли, что вы едите человечину?

Множество подобных рассказов доходило до меня от солдат и индейцев, примкнувших к Кортесу, однако же я, памятуя о богатой фантазии первых и ненависти к мешикам последних, верить не спешил.

Глауликоли, вытерев губы от жира, ответил:

– Правда.

И тут я возблагодарил Господа, что видел зверя, принесенного из леса, и потому могу быть уверен: я не осквернил себя страшнейшим из грехов.

– Но почему?! – вскричал я столь громко, что с дерева сорвалась стая птиц с ярким оперением.

– Уицилопочтли ест сердца побежденных. И в том его великая милость, – промедлив, сказал Глауликоли. – Мы едим прочее мясо. В том нет дурного. Вы же едите собственного бога. Это страшно.

Я понял, что он говорит о великом таинстве причащения, о котором я сам ему рассказывал. И, видать, рассказ мой был истолкован Глауликоли неверно.

– Когда мне исполнилось двенадцать лет, я убил первого врага и тем заслужил почет и уважение, – Глауликоли скрестил руки на груди и прикрыл глаза. Он улыбался, вспоминая далекое детство, а я слушал, не зная, стану ли записывать еще и эти воспоминания.

Я рос, как растут иные дети, разве что был сильнее и быстрее прочих, но отец мой и иные наставники не уставали повторять, что гордыня опасна. Что как бы я ни был быстр, но ягуар быстрее. Как бы я ни был силен, но ветер сильнее.

Они ошибались, выбирая примеры, однако же были мудры, не позволяя мне уверяться в собственной исключительности. И вышло так, что наступил день, когда я почувствовал себя слабым, как младенец, и сумел переступить эту слабость, пройдя первое испытание на пути обретения духа.

То лето было засушливым, и сколь ни молили жрецы о дожде, какие бы жертвы ни приносили, небо оставалось глухим. Цвет его день ото дня белел, а поля наши становились серыми, будто запорошенными пеплом. Скудные ростки маиса, которым удалось проклюнуться к солнцу, быстро побурели и иссохли, хотя рабы ежедневно носили им воду от реки.

Но и река уходила.

Я помню полосу берега, усеянную мертвой рыбой. Она воняла, и никто не решался подойти к воде. Я помню сухие глаза моей матери и улыбку, каменную, как губы Тонатцин. И песню жреца тоже помню. Она поселилась в моей груди, лишив сна.

– Не спи, Глауликоли, – слышалось мне. – Смотри, Глауликоли. Хорошенько смотри, Глауликоли. И ты увидишь, как закончится время пятого солнца и люди перестанут быть людьми.

Я спрашивал у братьев, но они оставались глухи к голосам богов. Да и не они одни.

Однажды река пересохла, и обнажившееся дно разодрали трещины. Животные подходили к ним, пытаясь найти хоть каплю влаги, но не находили и умирали в муках. Гибли и люди. Одни уходили тихо, во сне, другие мучились и впадали в неистовство. На краю селения жила старуха, столь древняя, что даже наш староста не помнил времени ее весны.

Старуха была слаба и суха, и кожа свисала с ее костей тонкими складками. Глаза старухи были белы, а волосы – черны, как будто время не желало прикасаться к ней. Каждое утро старуха выходила из хижины, садилась и пялилась в небо. Она так и умерла с задранной вверх головой, с обнаженной шеей, на которой висели три ряда бус, со сложенными на животе руками.

Почему я вспомнил ее? Наверное, потому, что в день, когда старуху решили похоронить, пришли тескокцы. Один за другим выходили воины из побуревшего леса и бросались на нас. Засвистели камни. Стрелы вошли в тела, выпуская темную и густую кровь, а я, глядя, как падает мой отец, пронзенный копьем, думал лишь о том, что кровь – это тоже вода.

Я очнулся, лишь когда камень ударил меня в плечо и опрокинул на сухую землю. И та впилась мне в спину когтями иных камней, напомнила, кто я есть.

Я вскочил и, выхватив нож, бросился на врага. Я не выбирал – ударил первого, кто попался мне на пути. Нырнув под ноги, я полоснул по сухожилиям, и когда тескокец упал, вогнал нож в грудь. Вытащить не хватило сил. Но я взял дротик из рук мертвеца.

На меня налетели сзади, и плечо полоснуло болью, которая показалась невыносимой... а следом за ней пришла ярость, алая, как кровь. Горячая, как солнце.

Я очнулся в лесу. Я лежал, и многочисленные раны покрывали мое тело, а земля подо мной была влажна от крови. И я подумал, что умру, закрыл глаза и заговорил.

Я прощался с людьми и просил богов принять меня. Я был услышан.

Помню сквозь туман, застывший мое сознание, как наступила ночь. Она накрыла меня прохладой, утерла пот с разгоряченного лба и уняла лихорадку, подарив минуты счастливого забытья. Очнулся я в полдень, удивившись тому, что еще жив. Я попытался пошевелиться, но не смог и заплакал от огорчения, поняв, что агония будет длиться долго.

Я, как та старуха, смотрел на небо, но видел лишь белые просветы в рваном покрывале леса. А в полдень к месту, где я цеплялся за жизнь, вышел ягуар. Я услышал его рык и обрадовался. Смерть от клыков зверя представлялась менее мучительной, чем от жажды. И, собрав остатки сил, я закричал:

– Иди! Я жду тебя!

Он соскользнул с ветки мягко, как капля воды. И, подойдя ко мне, ягуар остановился. Это был огромный самец, на шкуре которого было столько же пятен, сколько и шрамов. Клыки его сияли белизной, а глаза были желты.

– Чего ты ждешь? – спросил я. – Вот он я. Убей.

Но вместо этого зверь лег рядом и принялся меня вылизывать. Прикосновения шершавого языка причиняли боль, ибо кожа моя, порванная ранами, была изрядно обожжена, но я терпел. Зверь вылизывал меня, будто своего котенка, а когда я все-таки попытался поднять руку, зарычал, но нежно, успокаивая.

Несмотря на его заботу, я бы умер к вечеру, однако уже тогда стало ясно, что боги приготовили мне иной путь: небо затянули тучи. Серые и лохматые, они сверкали молниями. А голос грома был подобен рыку. И дрожали деревья, роня мертвые листья, а ягуар лишь тесней прижимался ко мне.

Первые капли прошли сквозь толщу леса, как дротики сквозь тело. Они разбились о сухую землю и утонули в ней же, давая жизнь корням. Их становилось все больше и больше... Я открыл рот и глотал воду, дурея от счастья.

Так мне удалось выжить.

Рассказав это, мой пленитель замолчал и погрузился в воспоминания, путь в которые для меня был закрыт. Я же вспоминал собственное детство, каковое теперь представлялось временем безусловно счастливым. Пыльные улицы родного города, коты и собаки, которых было столь же много, сколь и нищих. Шлюхи, солдаты, студенты и богословы. Торговцы. Чужестранцы. Монахи. Священники. Вечная суета, бурление людского моря, где мы, малые, выросли.

Мне было отсыпано сполна и горя, и короткого, но яркого счастья. Дворовых песен и гимнов святых. Чужой боли и чужой же радости, поглядеть на которую дозволялось из толпы.

Я воровал, когда был беден. Я делился хлебом, когда случалось стать богатым. Я рос и вырос, как и друзья мои.

Вспомнив о них, я испытал престранное чувство тоски, как будто сердце мое сжали смуглые пальцы Тлауликоли. Я не увижу дом и своих сестер, каковых прежде и не желал видеть, я никогда не преклоню колен пред могилой отца и матери, не пройду по улицам моего детства, удивляясь переменам...

Прошлое мое осталось за океаном. Будущее было неизведанно. А потому я сделал единственное, что было в силах: продолжил свою историю, каковая, вероятно, никогда не найдет иного читателя, чем Тлауликоли и равнодушный к словесным изыскам Педро.

Пусть так.

Наутро мы стали готовиться к переходу через пропасть. Первыми Тлауликоли пустил двоих воинов в полном боевом облачении. Я смотрел, как скользят они по узкому мосту, и удивлялся легкости их движений. Достигнув противоположного берега, отсюда видевшегося мне расплывчатым зеленым пятном, воины подали сигнал, и Тлауликоли, коснувшись моего плеча, велел:

– Иди.

– Я не сумею! – я глянул вниз и ужаснулся.

Две скалы сходились вместе, щетинясь многими уступами, и на дне ущелья бесновалась река. Она ревела и бросалась на берега, разлетаясь водяными искрами. И звук этот заставил меня оцепенеть.

– Иди, – повторил Тлауликоли. – Или я убью тебя здесь.

Я вновь покачал головой. Лучшие смерть быстрая, чем медленная, кому, как не ему, знать это? И он, кивнув, подал знак людям. Меня сбили с ног и распластали на земле, прижав руки и ноги. Чьи-то пальцы вцепились в волосы и потянули. Голова моя запрокинулась, и глаза ослепли, сожженные чужим солнцем.

Но вот тень человека заслонила его. Она была огромна и неподвижна. Я лежал. Тлауликоли ждал.

– Пойдешь? – спросил он.

– Пойду, – ответил я. Не из-за страха, а совсем наоборот: все мои опасения вдруг исчезли. И то правда, неужели Господь позволит случиться дурному? Он ли не берег меня в детстве? Он ли не вел в юности? Он ли не дал мне силы достичь этих берегов? И Он ли не призовет к ответу, когда случится мне встать пред престолом Его?

Так я ступил на шаткий мост и дошел до самой его середины, когда вновь осмелился глянуть вниз. Однако теперь увидел лишь кипенное облако брызг и темно-зеленые камни. Густой мох укрывал их, и камни казались мягкими, словно перина. Когда нога моя ступила на твердую землю, упал я на колени и вознес молитву Деве Марии и своему святому покровителю.

Каково же было мое удивление, когда увидел я, что прочие воины, а также пленники переходят мост, связанные между собой длинной веревкой. И воины следили, чтобы никто из идущих не оступился ненароком.

– Почему я пошел один? – спросил я у Тлауликоли.

Он же, глянув с насмешкой, ответил:

– Я хотел посмотреть, чего ты стоишь.

– И чего же?

– Ты называешь себя жрецом, однако в тебе живет дух воина.

Стыдно признать, но похвала его была мне приятна.

Остаток дня и весь следующий мы провели на берегу. Мешики протянули две веревки между берегами и по ним переправляли драгоценный груз. Дело шло плохо, и мне все время казалось, что веревки не вынесут тяжести, оборвутся и утопят идола в реке, однако подобного не случилось.

К концу второго дня наша экспедиция преодолела и этот рубеж. А перед тем, как двигаться дальше, Тлауликоли велел обрубить крепления. Его приказ исполнили. Несколько ударов топора, и вот уже мост летит в пропасть и ударяется в темно-зеленые, бархатные скалы, чтобы разлететься в щепки.

– Как же ты вернешься? – задал я очередной вопрос и услышал ответ:

– Я не вернусь. И никто не вернется.

Часть 3

Время тени

Переславин ненавидел людей, всех и сразу, начиная от тещеньки, которая спряталась от дерьма мира в уютной больничной палате и в очередной раз перекинула все проблемы на Эдгара, и заканчивая этими двоими с их жалостью.

Баба хороша. Она и на корпоративе ему приглянулась своей непохожестью на прочих. Еще, помнится, гадал, где это Геночка такой цветочек редкий выискал.

Где-где... в рифме.

И Тынин оттуда же вынырнул.

Эдгар представлял себе его иначе. Постарше. Потолще. С залысынами и очками в дешевой пластиковой оправе. В мятом халате с оборванными пуговицами. И с очень умными глазами.

Глаза разглядеть не выходило, халат отсутствовал, а серый свитер и светлые джинсы делали Тынина похожим на мажора. Мажоров Переславин тоже ненавидел, безотносительно сегодняшнего дня.

Но мент сказал, что Тынин лучший. И люди, которым Эдгар заплатил за информацию, подтвердили. А значит, насрать, как выглядит этот угребок, лишь бы отработал свое.

Он же ждет. Пялится. Не торопится спрашивать. И Эдгар понятия не имеет, с чего беседу начинать. Сердце вот в груди ухает, ворочается, но падать в больничку некогда.

Ее уже тещенька, чтоб ей, заняла.

– Нютку убили, – сказал Переславин, глядя на бабу. Как же ее звать-то? Имечко простое, без выпендрей, но ей подходит. Такое вот хитрое, скользкое, выпало из памяти.

– Мне жаль, – сказала женщина, и Эдгар верхним нюхом почуял – и вправду жаль.

Спасибо. Надо будет сказать ей спасибо и еще извиниться за все.

– Они сказали, что ты – лучший. И если те чего проглядели, то ты – точно не выпустишь.

– Уровень моих профессиональных знаний позволяет согласиться с данным утверждением. С высокой долей вероятности оно верно.

Надо же какие выражения. Аж башку ломит.

Не, это от коньяка. И от виски. И еще от чего-то, чего Переславин вливал в себя, начиная с того момента, как ему сообщили. Дурак несчастный, не поверил. Рассмеялся, дескать, в своем ли вы разуме, господа хорошие? Кто ж, в здравом уме находящийся, мою дочку тронет?

А психам закон не писан.

Психам плевать, что Нютке только-только шестнадцать исполнилось, и что Эдик за нее кому угодно глотку перегрызет. Найти бы еще кому.

– Найди мне эту с... – Переславин глянул в серые глаза женщины и проглотил ругательство.

Ее зовут Анна. Он не сразу вспомнил, потому что никогда Нютку Анной не называл.

– Я лишь могу предоставить информацию. Расследовать будет другой человек, – ответил Тынин.

Пускай. Плевать.

– Вам нужно подумать о похоронах.

Чьих? Нюткиных. Ее убили, а Эдик пьет. Теща в больнице. Менты расследуют. А о похоронах думать некому. Потому что он, Переславин Эдгар Иванович, слабак и нытик.

Зато деньги есть. Деньги – они многое решают, и Эдгар сказал:

– Сделайте все по высшему разряду. Я не хочу ничего знать!

– Отрицание действительности...

Переславин вскочил. Эта ухоженная скотина будет рассказывать про отрицание действительности? Да что он понимает, специалист хренов. Мертвячник!

Анна встала на пути, заслоняя хозяина. Верная. И слишком уж смелая.

– Присядьте, пожалуйста, – попросила она. – Вы не очень хорошо себя чувствовали. Отправляйтесь домой. Отдохните.

Голос у нее густой, словно мед липовый, и обволакивает Эдика, заставляя согласиться.

– И сделайте так, чтобы тело как можно быстрее оказалось здесь... – сказал Адам. – У вас есть пароли от контентов «Одноклассники» и «Вконтакте»? От ящиков электронной почты?

Кто так говорит? «Ящик электронной почты». Ненормальный. Кругом одни ненормальные.

И руки Анны давят на плечи, заставляя отступить к дивану. Сердце опять ухает. Расстрожилось. Нельзя болеть. Надо перевозку организовывать. И еще пароли искать. Он не знает паролей. Про вещи менты спрашивали, а про пароли – нет.

– Вы справитесь, – пообещала Анна, и Переславин поверил.

А еще подумал, что неплохо бы ее переманить. Пусть бы сидела в приемной, улыбалась клиентам этой своей спокойной и вежливой улыбочкой, кофей подавала и просто радовала глаз.

Пароли он поищет. Да. Сегодня же. Не отдыхать, а делать хоть что-то. Иначе – смерть.

Лиска долго сидела в ванной, расколупывая облезающую эмаль. Ногтем Лиска поддевала чешуйки, слушала, как отламываются они с легким треском, и сбрасывала на пол. На тускло-зеленой плитке поблекла позолота, и капли воды походили на капли пота. Из-под ванны неприятно пахло, а сверху тянуло сквозняком. Гудела в трубах вода.

Лиска думала.

– Эй, – Вась-Вася постучал в дверь. – Ты там надолго?

Хорошо бы навсегда. Лиска любила воду: ванну, бассейн или море. Море, конечно, лучше, там волны, пальмы и полые трубки, которые отгоняют злых духов от Лиски.

И еще человек, память о котором Лиска старательно вычеркивала.

– Навсегда не спрячешься. Поговорить придется.

Вась-Вася был прав. И Лиска не без сожаления вылезла. На полу остались лужи, и бурые тапочки набрякли влагой.

– Да не буду я к тебе приставать! Нужна больно.

Не нужна. И папику тоже. И брату. И вообще никому-никому...

Лиска глянула в зеркало и вздохнула: жалеть себя не получалось. Сама ведь виновата, чего уж теперь. Она оделась и вышла из ванной комнаты. Вась-Вася подпирал стенку в коридоре. Стенка бурая, обои «под камень», но дешевенькие, и нарисованные камни с зелеными ветками плюща выглядят декорацией к дурной мелодраме. По сценарию Лиске надо поплакать, покаяться и броситься на шею дорогому спасителю.

Потом будет секс.

Расставание.

Встреча и снова секс. А в финале свадьба с взятым напрокат белым «Мерседесом», фатой из тюля да платьем-колоколом.

– Не нравится? – поинтересовался Вась-Вася, разглядывая Лиску.

– Здесь все как раньше.

– Я ремонт делал.

– Это неважно. Здесь атмосфера та же, что и раньше.

Он не поймет. Лиска ведь пыталась объяснить, раньше, до побега своего. Она говорила про атмосферу, которая душит, про необходимость глобальных перемен, про то, что иначе она задохнется в дыму и бедности. Ей праздника охота! Разве это преступление?

– Ты женился? – молчание тяготило, и Лиска задала вопрос наугад. А Вась-Вася ответил:

– Пока нет.

– А собираешься?

– Пока не знаю.

Взъерошенный он, как старый еж. Серьезный. Сколько Лиска себя помнила, он всегда был слишком серьезным. Это утомляло.

– На кухню иди. Помнишь, где она?

– Конечно.

В этой квартире – двушка-распашонка – невозможно заблудиться. На кухне пахнет жареной колбасой, и вытяжка не справляется с запахом, гудит натужно. На плите стоят сковородка и чайник. Под столом – Вась-Васины гантели и поллитровая банка, на треть заполненная монетками.

Как будто она, Лиса-Лизавета, никуда не убегала.

– Теперь рассказывай, – Вась-Вася встал между нею и окном, широтой плеч заслоня пейзажи.

– О чем?

– О том, как ты труп нашла.

– Ну... пришла, увидела и нашла.

Испугалась настолько, чтобы позвонить, нарушив данное самой себе слово.

– Пришла. Увидела. Нашла, – повторил Вась-Вася. – Дай-ка уточню, хорошая моя. Пришла ты в заброшенный ангар, где делать тебе совершенно нечего. Особенно в полшестого утра. Отсюда вопросец, какого ляда ты там делала?

Пряталась. Только Вась-Васе нельзя говорить. Он вцепится в признание и пережует его, а следом и всю Лискину жизнь.

– Итак, Лизонька, – Вась-Вася ногой подтянул табуретку, сел, упершись локтями в колени. – Давай сначала. Что ты там делала?

– Бегала я! По утрам бегала!

– За колесами?

– За какими колесами?! – она сжала кулачки, уговаривая себя успокоиться.

– Ну не знаю. Чем там в высшем свете модно ширяться? Экстази? Кокаин? ЛСД? Метс?

– Ты... я не наркоманка! – Лиска вытянула руки. – Сам посмотри!

– В лаборатории посмотрят. На анализах крови.

Злой. И мстительный. А ведь тогда она просила, уговаривала подождать, но разве кто-нибудь когда-нибудь слушал Лиску? Все кругом знали, что будет для Лиски лучше.

– Я не за колесами, как ты выразился, бегала. Я просто бегала. Форму поддерживала.

– В феврале месяце? По улочке? Ножками? А что, у твоего любовничка нету спортзала? Как же так, Лизонька?

– Прекрати! – она встала. – Чего тебе надо? Увидеть, что мне плохо? Мне плохо. Хочешь, чтобы я была наркоманкой? Хорошо, я наркоманка. И проститутка. И... и вообще тварь последняя. А ты – белый и пушистый. Герой. Так хорошо?

– Так плохо, – Вась-Вася тоже поднялся. – Так неправильно.

Кто бы спорил.

– Лиза, просто скажи, ты часто там... бегала?

– Раз в пару месяцев.

Он не стал уточнять, почему так редко. Задумался, провел пальцами по щеке – щетина синеватая, у него всегда отрастала быстро, утром уберет, а к вечеру она снова.

– А в этот раз ты... ты не видела кого-нибудь?

– Нет.

– Человек. Возможно, знакомый. Или тот, на кого внимания не обращают. Или машина. Или вообще что-нибудь?

– Ничего. И никого. Вась, я все прекрасно понимаю. И если бы я что-то увидела, я бы сказала.

Он кивнул и вышел, оставив Лиску наедине с кухонным беспорядком и колбасой, которая остыла и приклеилась к сковородке. Есть пришлось руками. Было вкусно.

Тело доставили ближе к вечеру. Пакетов было два: привычный черный, пристегнутый к каталке, и темно-синий, плотный, поставленный в ногах труп.

Санитары, сопровождавшие тело, глядели на мешки с опаской и брезгливостью. Денег не взяли. Убрались спешно. И Адам был благодарен им за то, что оставили его наедине с девушкой.

Адам не спешил открыть мешок. Он описывал круги, не спуская взгляда с тела, и пытался поймать то самое пограничное состояние сознания, когда изменялось восприятие мира. Вот дрогнули тени, складывая новую мозаику. И волосы тронул сквозняк. Присутствие другого человека стало ощутимо, и Адам замер.

– Здравствуй, – сказал он, удерживая себя от того, чтобы обернуться.

Слабо звякнуло стекло.

– Я рад тебя видеть. Я понимаю алогичность данной ситуации, но в данном случае мне не хочется оперировать категориями реальности.

Прикосновение к шее было настолько явным, что Адам не сдержал вздох.

– Ты стала приходить реже. Ты полагаешь, что я могу обойтись без твоей помощи, но это не так. Мне необходимо знать, что ты существуешь, даже если этим знанием я не могу ни с кем поделиться. Я хотел бы рассказать твоей сестре, но она решит, что мне стало хуже.

Ледяное дыхание обожгло щеку.

– Наши взаимоотношения упрочились. Ты ведь хотела этого? Почему ты никогда не отвечаешь? Я не умею угадывать. Я не хочу угадывать! Я...

Толчок в плечо заставил повернуться. Конечно, сзади никого не было, только тени суетливо метались, хотя предметы в комнате оставались неподвижны.

– Извини, Яна. Не уходи. Еще немного. Пожалуйста. Давай просто поговорим?

Она согласно вздохнула.

– У Дарьи роман. Она мне сама рассказала и спросила, что я думаю. Я ничего не думаю. Я плохой советчик в подобных вопросах. А она обозвала меня недоумком. Мне кажется, она вкладывает в это слово смысл, отличный от общепринятого.

Смешок.

– Я угадал? Это хорошо. Я стараюсь не возражать ей. Она помогает мне. Она нашла Анну.

Ладони легли на плечи, и холод просочился сквозь ткань.

– Я не понимаю тебя.

Ее руки были тяжелы. Ее дыхание теплело по мере того, как холод сковывал Адама. Хорошо бы совсем замерзнуть, поменять одну жизнь на другую. Он согласен, но Яна не примет подарка.

Или не сумеет воспользоваться.

Когда ледяные нити добрались до сердца, Адам закрыл глаза. Он рухнул в темноту, и та, раскрыв объятия, улыбнулась ласково, как сыну.

– Будь осторожен, – сказала темнота голосом Яны. И разлетелась на осколки, утонув в безумном реве зверя. Тени смешались и застыли, вылепляя морду.

На Адама желтыми солнечными глазами смотрел ягуар. Он двинулся, скользя по струнам мира, которые звенели и стонали, орошая землю красным дождем. Зверь шел, и мир вздрагивал под весом его.

Остановившись в трех шагах от Адама, ягуар подобрался.

Адам же смотрел на белоснежные клыки, на длинные усы и черные когти, которые вот-вот вспорют мягкое тело. И ягуар, догадавшись о мыслях, улыбнулся.

А потом прыгнул, сбивая и прижимая к земле.

Раскрылась пасть. Дыхнула гнилью. И голос зверя вернул в реальность.

Адам лежал на полу, съежившись в комок. Его трясло от холода, а в горле стоял ком тошноты. И Адам боялся, что если пошевелится, то его все-таки вывернет. Он ждал. Когда тошнота отступила, а холод стал невыносим, Адам перевернулся на живот и на четвереньках пополз к выходу. За дверью он сумел подняться. Колени дрожали. Руки тоже. Ледяные иглы прочно сидели внутри, приколов сердце к ребрам. Каждый вдох отзывался ноющей болью.

Следовало согреться.

И позвонить Дарье.

Если Адам не ошибся в интерпретации увиденного, в ближайшее время следует ждать еще одно убийство. И тот, кто прятался за маской зверя, лишь начал путь. Но рано или поздно он доберется до Адама.

Пожалуй, это Дарье говорить не стоило. Она не поверит.

После двух кружек чая, вкуса которого Адам не ощущал, оцепенение сменилось дрожью. Мышечный тремор усиливался, и Адам лег на диван, закрыл глаза и попытался расслабиться.

Неприятное состояние следовало переждать.

А в больничке его лекарствами накачивали, купируя приступы. И психиатр с упорством таксы раскапывал норы видений, вытаскивая одно за другим, распиная на крестах логических конструкций. Адам соглашался. Признание чужой правоты было наиболее простым способом прекратить собственные мучения.

Нельзя возвращаться в больницу.

Нельзя говорить Дарье.

Нормальные люди называют видения галлюцинациями. А галлюцинации являются прямым свидетельством ненормальности.

Но Ягуар уже начал движение. Он скользит по каменным джунглям, скрываясь в разломах тени. Ищет жертву. Готовится к прыжку.

Отпускало. И когда состояние почти нормализовалось, Адам подвинул ноутбук и вышел в Сеть. Мысль, пришедшая в голову, была проста и логична. И для проверки ее требовался минимум усилий.

Поисковик городского сайта вывел на тему. Оттуда Адам перешел на страницы соцсетей и, отфильтровав необходимую информацию, собрал посылку для Дарьи. А вот за телефоном пришлось вставать.

– А я уже испугалась, что с тобой случилось чего, – Дарья ела и жевала громко, отчего Адама вновь затошнило. – Ты в порядке?

– Да, – солгал он, ложась на диван. Под ноги Адам сунул подушку, а голову пристроил на деревянный подлокотник. Край его неудобно впивался в шею, но сама поза благоприятствовала нормализации кровообращения. – Он убивал животных.

– Кто?

– Ему необходимо было учиться.

– Ты про этого придурка? – Дашка прекратила жевать. Адам представил, как она откладывает бутерброд и спешно облизывает пальцы.

– Я подумал, что человек, не имеющий практических навыков по сдиранию шкур, не сумел бы сработать столь чисто. Следовательно, ему необходимо было приобрести данный навык. Однако ты не упоминала о том, что имели место аналогичные преступления.

– И ты решил, что он на кошках тренировался!

– На собаках крупных пород. На овцах. И на двух лошадях.

– Адам, я тебя обожаю! Но откуда...

– Местный форум. Ветка любителей животных. Они фиксируют факты жестокого обращения. Дарья... будет еще одно убийство.

– Ты говорил.

– Нет. Не такое, как это. При поиске я нашел два цикла на животных. Сдирание кожи и...

В трубке воцарилась тишина.

– ...вырезание сердца.

– Мать твою... – Дашка добавила пару слов покрепче и очень тихо спросила: – Может, ты ошибаешься?

Вряд ли. Ягуар идет, и кровь уже пролилась, но ее меньше, чем в том видении, про которое Дарье нельзя говорить.

– Вероятность ошибки существует, – Адам нажал на кнопку, разрывая связь. Он сунул телефон под диван и закрыл глаза. Следовало возвращаться к работе.

Но тело требовало отдыха. Хотя бы полчаса.

Ягуар уложил тело на камень. Развел руки. Захлестнул ременные петли на запястьях и прикрепил к вбитым в валун штырям. Привязал ноги. И только после этого разломил нашатырную капсулу перед носом. Некоторое время ничего не происходило. Ягуар даже испугался, что парень умер, но вот ноздри его дрогнули, втягивая запах, губы скривились, а веки разошлись.

Глаза были серы, как предрассветное небо.

– Т... ты...

Ягуар поднес к губам лежащего флягу и, придерживая голову, помог сделать несколько глотков. Хороший коньяк пусть и ненадолго, но согреет.

– Уже скоро, – пообещал Ягуар, вернув флягу во внутренний карман куртки.

– Какого хрена?

Парень дернулся, но ремни держали хорошо.

– Ты что, мать твою...

– Солнце четырех ягуаров длилось лет шестьсот семьдесят шесть. И те, кто жил при этом Солнце, были съедены ягуарами одновременно с Солнцем. А случилось это в год тринадцатый, когда Кецалькоатль впервые выступил против Тескатлипока и сам стал Ягуаром, пожрав гигантов.

– Отпусти меня, слышишь?

– И когда погибли все, разрушилось Солнце.

– Отпусти!

Небо светлело. Щиты теней дрожали, грозя в любой момент расколоться под ударом солнечного копья. И сердце Ягуара колотилось, томимое жаждой принять этот удар.

– Второе Солнце, Солнце четырех ветров. Кецалькоатль оставался Солнцем еще тринадцать раз по пятьдесят два года. После их окончания Тескатлипока, будучи богом, превратился в ягуара, как пожелали другие братья, он и ходил в образе ягуара и так ударил лапой

Кецалькоатля, что тот свалился и перестал быть богом. Поднялся такой сильный ветер, что унес людей, и они превратились в обезьян, а Солнцем стал Тлалок.

– Ты ненормальный, – Алексей перестал дергаться. Он попытался расслабить руки и вертел запястьями, норовя сбросить петли. Не выйдет. Ягуар точно знал. Но упорство пленника доставляло радость. Воин должен уходить, сражаясь.

– Но Кецалькоатль вызвал огненный дождь с небес и устранил Тлалока, и сделал Солнцем свою жену Чальчиутликуэ, которая была Солнцем шесть раз по пятьдесят два года, что составляет триста двенадцать лет. Те, кто жили в третью эпоху вместе с Солнцем четырех дождей, также погибли.

Алексей рванулся, выгибаясь дугой, и заорал.

– Следом наступила эпоха четвертого солнца, каковое называли Солнцем четырех вод. И длилась она пятьдесят два года, во время которых сохранялась вода на земле. И закончилась она великим дождем.

Ягуар извлек ножи.

– Убьешь? – совсем успокоившись, спросил пленник. Он смотрел прямо, и в глазах его не было страха.

А солнечное копьё разломило тени, рассыпая на землю благодатный свет. Сочились кровью раны тьмы, и солнце плясало, радуясь тому, что вновь сумело подняться на небосвод.

– Пятое Солнце называется Солнцем движения. И при нем будет голод, землетрясения, войны.

– Ну да, конечно. Мы все погибнем.

– Солнце погибнет. Все живое погибнет. Пятое Солнце – последнее. Оно теряет силы.

Посмотри.

Желтый шар плыл меж льдинами туч.

– И моя смерть поможет солнышку жить? Ты соображаешь, насколько это бредово?

– Он съест твое сердце. И даст тебе новое, чтобы ты стал в его свиту. Тьма отступит.

Ягуар быстро распорол одежду, оголяя грудь. Пленник дышал быстро. Сердце его стучало, готовое соединиться с чем-то много большим, чем хрупкий сосуд плоти.

Положив ладони на живот, Ягуар с наслаждением впитывал этот совершенный ритм, жалея лишь о том, что сам не скоро удостоится подобной чести.

– Тебя ж найдут, – произнес Алексей.

Когда-нибудь обязательно. Но идущий по струне мира не о своей судьбе должен заботиться.

Солнечный луч коснулся бледной кожи, и Ягуар убрал ладони. Взяв в руки нож, он ударил, одним движением взрезая кожу, мышцы и мягкую диафрагму.

Алексей захрипел и выгнулся, сам расширяя разрез. Ягуар сунул руку в дыру, нащупал жесткий ком сердца и рванул, выдирая то, что отныне принадлежало великому Богу. Нож обрезал жгуты артерий и вен, чаша приняла кровь. И солнце, отразившись в багрянце, вспыхнуло яростно.

Жертва была принята.

Человек на алтаре еще жил. Мутные глаза его наблюдали за тем, как бьющееся сердце ложится на жаровню.

Горело оно долго.

Дым поднимался и растворялся в небесной синеве. Ягуар был счастлив: ему удалось дать еще немного жизни миру.

Из дома пропали вещи. Анна знала, что Геннадий уедет, хотя до последнего лелеяла надежду. Вдруг передумает. Остановится. Ведь бывает же, что люди останавливались в самый последний миг?

Но в прихожей было пусто.

Исчез столик из ротанга и кованный фонарь-светильник. Ушли телевизор и компьютер. В опустевшем шкафу одиноко висело серое пальто и старая куртка. Анна коснулась ее и поспешно захлопнула дверь. Глубоко вдохнув, она зажмурилась. Глаза жгло. Но сейчас – не время для слез.

Анна прошла на кухню и поставила чайник. Есть совершенно не хотелось. У отсыревшего табака был мерзкий привкус. Тишина угнетала.

Со временем Анна привыкнет. Главное, продержаться это время, пока мозолистая корка равнодушия не затянет свежие раны.

– И однажды наступит утро, – сказала Анна, прикладывая ладонь к стеклу.

Утро наступило в пять тридцать со звонком будильника. Анна сползла с кровати и побрела в ванную комнату. Привычные утренние ритуалы она исполняла механически, пребывая в сладкой полудреме. Но стоило переступить порог, как действительность проломила спокойствие сна.

Автобусная остановка. Ветер в лицо. Колочий снег за шиворот. Каблуки скользят по льду, и руки вмиг цепенеют. Серые переулки выплевывают серых же людей, и на остановке постепенно собирается толпа. Автобус выползает из мглы, рассекая темноту желтым светом фар. Двери его открываются не сразу, приводя людей в волнение, и когда все-таки расходятся, толпа вносит Анну и вжимает в угол.

Дальше поездка. Скрежет. Качание. Запах бензина. Чей-то локоть, давящий на ребра. И длинная женщина в рыжей дубленке кого-то нудно пилит по мобильному телефону.

Анна закрыла глаза. Ехать долго.

С каждой остановкой людей в автобусе прибавляется. И дышать все тяжелее. И когда Анна уже готова сдаться и умереть, толпа вдруг исчезает, перетекая в распахнутые заводские ворота.

Сама Анна выходит на конечной.

Еще полчаса пешком. Прогулка сквозь снежную муть. Знакомая ограда с тусклым фонарем. Черная рыбина авто, притаившаяся в засаде. Лобовое стекло залеплено снегом, на крыше тоже белый горб, но Анна уверена – в машине кто-то сидит.

И вопрос – что нужно ему здесь в полседьмого утра?

Анна обошла машину, не спуская с нее взгляда. И внезапно вспыхнувшие ярким галогеновым светом фары лишь заставили ускорить шаг.

Там, по другую сторону ограды, Анна будет в безопасности.

– Стой! – дверца «Мерседеса» распахнулась. – Да стой же ты!

Анна закрыла за собой калитку и остановилась.

– Это я... мы вчера виделись. Точно виделись. Ты Генкина жена.

Была. Только этот факт – для внутреннего пользования. Кому какое дело, что у Анны с личной жизнью? Переславин же вылез из машины и раздраженно отряхнулся.

– Я тут второй час стою, – пожаловался он.

– Извините, но мы открываемся...

– Да ладно, я не в обиде. – Переславин поставил машину на сигнализацию и шагнул к калитке. Анна попятилась. – Да не дергайся ты. Я вот привез...

Он протянул пакет.

– Это одежда и вообще... короче, я понятия не имею, чего надо. Я не хочу думать, понимаешь.

– Да, – Анна открыла калитку. – Проходите. Единственно, я сомневаюсь, что Адам Сергеевич вас примет.

– По фигу. Просто одному никак. И с людьми никак.

На куртке и волосах Переславина собирался снег. И лицо Эдгара Ивановича казалось бледным, как у утопленника.

– Думаю, вам не помешает чашка чая.

Анна старалась идти так, чтобы не выпускать его из вида. Переславин шагал широко и локтями размахивал, словно пробивался сквозь толпу. Наверное, точно так же он по жизни пробивался, вгрызался зубами, толкался, отпихивал от кормушки слабых и шел вперед. Он никогда не думал о тех, кто остался позади.

Анна одернула себя: неправильные мысли.

– А ты, значит, тут работаешь? И давно?

– Второй день.

– А уже освоилась. Ну-ну... – он окинул Анну придирчивым взглядом. – Быстрая, значит.

– Послушайте, – Анна остановилась и, цепенея от собственной смелости, повернулась к Переслаvinу. – Я не знаю, что вам от меня надо. Я понимаю ваше горе и очень вам сочувствую, однако ваше поведение напрочь это сочувствие убивает.

– И чем же?

У него глаза седые. Не серые, а именно седые, уставшие от жизни.

– Вы срываете злость на других. Вам не важно, виноват этот другой в чем-то или нет. Главное ведь ваше желание, а... – Анна запнулась. – А остальное не имеет значения. Извините. Полагаю, в холле вам будет удобно дожидаться появления господина Тынина.

Переславин схватил ее за воротник пальто и дернул.

– Умная, да? Вежливая?

– Отпустите!

Рванул так, что ткань затрещала. Анна не удержалась на ногах и рухнула в объятия Переславина. От него пахло спиртным и табаком.

– Немедленно прекратите!

– Или что? Ты будешь кричать? Но здесь же никого нету. А я хам. И привык срывать злость на других. Сейчас я злюсь. Других нет. Страшно?

Да. Он сильнее. И безумен, потому что у него горе и он заливает это горе спиртным. Но теперь он понял, что, сколько бы ни выпил, боль не отступит.

Эдгар Иванович оттолкнул Анну и буркнул:

– Топай давай. Веди. Ты чай обещала, а я замерз как собака. Эй, вот только реветь не надо! Слышишь? Я бабьих слез на дух не переношу.

Анна по тропинке бежала. Переславин уверенно держался сзади. Она ненавидела его и собственную слабость. Вот новая подруга Геннадия нашла бы, что ответить. Или как воспользоваться ситуацией.

Анна же... курица она. Иначе и не скажешь.

У самых дверей Переславин тихо сказал:

– Извини.

Но это тоже ничего не значило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.